

A man with dark hair and a white t-shirt is embracing a woman with long, wavy brown hair from behind. He has several tattoos on his left arm, including a large one on the shoulder and forearm. The woman is wearing a white tank top and a grey skirt. They are both looking towards the right. The background is a plain, light-colored wall.

Я должен обладать ею.
Каждым дюймом.

ОПЛАЧЕНА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ по версии USA TODAY

АЛЕКСА РАЙЛИ

Глава 1

Кеннеди

Думаю, я собираюсь сбежать. Мысли одна за одной пронесаются в моей голове. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить нервы. Оглядевшись в огромной комнате, чувствую себя не в своей тарелке. Женщина лет пятидесяти сидит за большим столом и щелкает пальцами по клавишам, звук которых эхом раздается в пустом холле. Я на пятидесятом этаже в приемной офиса, пытаюсь контролировать свой желудок, в то время как дама игнорирует меня и продолжает работать. Ее седые, шелковистые волосы коротко подстрижены и заканчиваются чуть ниже ушей, на ней очки в толстой оправе, сидящие на кончике носа. В ней все говорит о профессионализме. Даже стильный наряд, который я никогда не смогла бы подобрать, даже будь у меня на это деньги. Она выглядит стильно и элегантно и была удивительно мила со мной, когда я регистрировалась. Она не бросала на меня косых взглядов, как делали это женщины внизу.

Провожу ладонями по своим бедрам в попытке смахнуть комочки пуха, прилипшие к плотной серой ткани юбки. Я до сих пор в шоке от того, что вошла в нее. Я получила ее в девятом классе, когда присоединилась к команде дебатов, и нужно было выглядеть профессионально. Слава богу, размер не сильно изменился с того времени, но все же. Пояс начинает врезаться в живот, и я молюсь, чтобы пуговица на спине не отлетела.

Я надела простые черные туфли на каблучке, в которых провела два часа, практикуясь. Я купила их со скидкой вместе с белой рубашкой на пуговицах в магазине, расположенном ниже по улице возле моей маленькой однокомнатной квартиры. Я чувствую себя простушкой, даже немного серой мышкой. Я пыталась выглядеть старше, но не уверена, что справилась с задачей.

Я нанесла немного макияжа и даже попробовала завить волосы. Я пыталась скопировать женщину из журнала, но не думаю, что у меня получилось то, что я хотела.

Что я здесь делаю? Я покачала головой. Я ужасная лгунья, и знаю это. Хуже просто не придумаешь. Когда мне было семь лет, я разбила кружку дедушки с автографом футболиста. Я призналась раньше, чем он успел меня спросить об этом. Потом, когда мне было тринадцать, дедушка спросил, как прошел мой день в школе, и я без раздумий выдала подробности того, как Коди поцеловал меня после школы. Я так плохо вру. Не могу притвориться даже на секунду. Просто не могу заставить себя сделать это.

Как я справлюсь с этим, я себе даже не представляю. Но теперь у *меня нет другого выбора*, и я напоминаю себе об этом. Мне очень нужна эта работа. А точнее, мне *очень сильно* нужна эта работа. Мне *нужна была* эта работа еще три недели назад.

Тех небольших денег, что у меня были от продажи дедушкиного дома, почти не осталось. Я не знаю, как дальше оплачивать арендную плату за квартиру-студию. Хотя мне, наверно, не стоит горевать, если придется съехать. Я могу попросить приют в благотворительных организациях, например. У меня бегут мурашки по коже от моего домовладельца.

Его квартира находится по соседству с моей, и сегодня утром он поймал меня, когда я уходила, напоминая о том, что моя аренда истекла три дня назад. Он также намекнул, что есть и другие способы оплатить ее. Способы, которые не связаны с деньгами. От этих намеков у меня волосы встают дыбом. Мистеру Келли немного за шестьдесят, и ходит он в пижамных штанах постоянно с сигаретой в зубах. Девушка, живущая напротив меня

рассчитывается с ним, я уверена, одним из тех способов, на которые он намекал. Я слышу, как она отрабатывает проживание в комнате по нескольку раз в день, и это заставляет меня кривиться от отвращения.

Он всегда был слишком заносчивым и всегда находил способы прикоснуться ко мне, и от этого становится тревожно. Я пытаюсь найти способы избежать встречи с ним, но вчера я пришла домой и обнаружила его в своей квартире. Мистер Келли сказал, что проверяет водопроводные трубы, говорил что-то о протечке, но моя кровь застыла в жилах от того, как просто он оказался там. Что мешает ему сделать это снова? После того как он ушел, я подставила стул под дверную ручку, но от этого мне не стало легче. Я почти не спала всю ночь. Не знаю, что мне дальше делать, даже если я найду, чем заплатить аренду, я не чувствую себя в безопасности.

Я просто счастлива, что у меня есть несколько недель до того, как мне понадобится внести очередной платеж в дом престарелых за моего дедушку. Мысль о том, что у него есть крыша над головой еще хотя бы на непродолжительный срок, вселяет в меня уверенность. Резкая боль в руке напоминает о том, что я слишком сильно сжимаю ключи от квартиры, и они впиваются мне в кожу. Открываю сумку и бросаю их внутрь.

Мое имя Кеннеди Майерс. Закончила Университет Мичигана, где получила степень в области гуманитарных наук. Мне двадцать два года, и я всегда мечтала работать в такой компании, как «Фостер и Крейт», напоминаю себе в сотый раз. Все ложь, кроме моего имени. Я выдумала эту ложь, чтобы получить работу.

Мне едва исполнилось восемнадцать, кое-как окончила среднюю школу из-за прогулов. У меня не было малейшего понятия, что такое «Фостер и Крейт», пока я не увидела объявление два дня назад. Это работа, за которую платят больше, чем я могла бы мечтать. Достаточно, чтобы содержать дедушку в доме престарелых, а также я смогу потянуть и страховку для нас двоих на несколько месяцев.

Это должно сработать. У меня нет других вариантов. Это не только для меня, но и для человека, который вырастил меня, когда я была маленькой девочкой. Ради мужчины, который старался дать мне все, что мог, пока не стал забывать, кто я.

Я знала, что больше не смогу заботиться о нем. Ему необходим уход 24 часа 7 дней в неделю, и я физически не в состоянии помочь ему, он в два, а то и в три раза больше меня. Однако я спокойна, потому что он находится в безопасном месте, где люди заботятся о нем. До сих пор я оплачивала это место, но оно далеко не из дешевых, и я потратила большую часть денег от продажи дома. Я погрязла в долгах. И подработки уже не спасают.

Я бы солгала, если бы сказала, что не рассматривала другие способы заработать деньги. Одна из жительниц моего дома рассказывала, что может заработать до тысячи долларов за ночь. Я обдумывала эту идею. Это не то, чем я хочу заниматься. Дедушка не так воспитывал меня.

Дедушка воспитывал меня с раннего детства. Я не помню свою мать. Мои воспоминания о ней — это истории, которые он рассказывал. Я никогда не знала своего отца. Мой дедушка делал вид, что не знает, кто он.

Всегда были только мы вдвоем, и я люблю его больше всех на свете. Он моя единственная семья, которую я когда-либо знала. Когда я ложилась спать, он всегда

рассказывал истории о бабушке. Она навсегда останется в его сердце. Я выросла, мечтая о такой же любви, но все отошло на задний план, когда его здоровье стало ухудшаться.

Сейчас, когда я прихожу к нему, он начинает рассказывать о бабушке и маме, и я стараюсь записать все, что он говорит. Я боюсь, что однажды он не вспомнит свои истории, и я хочу пересказать ихему.

Чувствую слезу на своей щеке и быстро смаиваю ее рукой. Поднимая глаза, вижу, как женщина за столом, наблюдает за мной. Она грустно улыбается мне, и я оглядываюсь посмотреть, видел ли кто-нибудь еще мои слезы. Прекрасно. Я уверена, это не поможет мне получить эту работу.

Я встаю. Мне нужно успокоиться.

— Где здесь дамская комната? — Спрашиваю я женщину напротив.

— По коридору вторая дверь справа, — говорит она.

Киваю и бегу в сторону коридора, практически сбиваяс ног человека, выходящего из кабинета.

— Извините, — шепчу я, пробегая мимо в уборную. Но чувствую взгляд на себе всюоставшуюся дорогу.

Соберись, Кеннеди.

Глава 2

Мейсон

— Ты заработаешь головную боль, если продолжишь пялиться на экран.

Перевожу взгляд от компьютера на бизнес-партнера, Финна, который развалился на одном из стульев и ест виноград, не заботясь ни о чем на свете.

— Не у всех есть Хелен, которая делает все за них. Некоторые из нас должны разбираться с этим дерьмовым планированием самостоятельно.

Я возвращаюсь к тому, что делал, хмурясь, смотрю на экран компьютера и пытаюсь понять, что все эти разные цвета означают в планировании. Похоже, что радуга взорвалась на моем экране.

— Хелен здесь и может помочь и тебе тоже, но это не ее вина, что ты меняешь помощников, как перчатки. — Он закатил глаза, как будто он тот, кого это должно волновать.

— Мне нравится Грин-Бей. Я не вижу здесь проблем, — говорю я, пытаюсь не обращать внимания на ту часть, где он прав. Я меняю помощников довольно часто.

Финну повезло с его помощником Хелен. Она с нами с самого начала и безупречна во всем. К сожалению, она такая одна, Финн и я не повторяем дважды, когда дело касается

нашей кампании. Технически, Хелен — его помощник, а у меня свой. Только у меня не было стабильного помощника в течении нескольких лет. Обычно они выдерживают несколько недель, прежде чем уволиться, или мне приходится их увольнять за неадекватное поведение.

Не то, чтобы я ханжа, но рабочее место не для романтики. Неважно, что они говорят, они все хотят этого. Они думали, что смогут развести меня на быстрый секс, что может вскоре перерасти в нечто большее. Когда я нанимаю кого-то, то в праве ожидать, что они будут выполнять свою работу и оставят меня в покое, пока не понадобятся. Некоторые из моих помощников крутились возле моего стола, находя предлог, чтобы прикоснуться ко мне или подойти ближе. Это не значит, что я не наслаждаюсь обществом женщины, это просто не является для меня сейчас приоритетом. Я даже не могу вспомнить последний раз, когда ходил на свидания, значит это не так уж и важно для меня. Самая большая проблема в найме помощника заключается в том, что мы проводим очень много времени вместе, поэтому можно запутаться в чувствах.

Один или два из моих помощников-мужчин также пытались начать со мной отношения, думая, что раз я отказался от женщин, то предпочту их внимание. Одним не терпелось стать лучшими друзьями в надежде захватить кампанию или получить какую-нибудь часть. Это не значит, что я не люблю здоровую конкуренцию, просто мне не нужен помощник, который охотится за тем, что принадлежит мне. Я не хочу беспокоиться о том, какую информацию они могут у меня украсть.

— Тебе нужно расслабиться. И я сделал кое-что, чтобы позаботиться об этом. — Я отрываю голову от экрана и вижу широченную улыбку на лице Финна. Уверен, что это не предвещает ничего хорошего. Из нас двоих он всегда был более непринужденным. Ни за что. Мне неоднократно приходилось бороться сего безумными идеями. Кто-то сказал, что то, какие мы разные, способствует хорошей совместной работе.

— Я уже говорил, что не люблю массаж. Мне не нравится, когда ко мне прикасаются незнакомцы. — Говорю я, возвращаясь к экрану компьютера. Клянусь Богом, тот, кто придумал эту программу планирования, был дьяволом.

Я бы очень хотел расслабиться, но не хочу быть тем другом-мудаком, у которого не хватает ни на что времени. Наша кампания очень успешна, и это потому, что Финн и я посвятили все свое время ей. Мы организовали нашу кампанию, когда учились в колледже и увидели лучший способ создания спортивного оборудования. У нас обоих биохимическая специализация, поэтому мы начали работать с пластмассами и волокнами, пока не были в состоянии проектировать то, что мы хотели. Началось все с того, что наши аналоги стал покупать Университет Мичигана. Мы заработали кучу денег, и «Форбс» назвал нас *будущим легкой атлетики* в прошлом году. У людей есть ожидания, и я хочу оправдать их. Я люблю выигрывать.

Финн в течение последнего года настаивает, чтобы мы немного притормозили и насладились нашим успехом, но я боюсь, если мы это сделаем, кто-нибудь вмешается и займет наши места. Я боюсь, что все может исчезнуть в любой момент. Вся эта тяжелая работа пойдет коту под хвост. И для чего? Несколько часов веселья.

Я потерял родителей в автокатастрофе в пятнадцать лет и слишком хорошо знаю, как быстро все может ускользнуть сквозь пальцы, поэтому не хочу потерять наше преимущество на рынке. Нам всегда наступают на пятки, а я не хочу быть на втором месте. Наши конкуренты регулярно придумывают идеи, которые явно украдены у нас, и мы постоянно должны напоминать им об этом.

— Это не массаж. — Говорит Финн и бросает в меня виноград. Я поймал его одной рукой и засунул в рот, не глядя на него.

— Засранец, — бормочет он. — Я скажу тебе, что придумал, и ты можешь поблагодарить меня.

Я смотрю на него.

— Что ты сделал?

— Разместил объявление о поиске нового помощника. Подумал, что у тебя глубоко в заднице есть шило, и нужен кто-то особенный, чтобы вытащить его оттуда.

— Великолепно, но в этот раз не ты будешь проводить собеседование. — Я так облажался уже с кучей ассистентов. Я начинаю думать, что Финн это делает нарочно. На этот раз я все сделаю сам.

— Нет проблем. Я уверен, ты сам сможешь с этим справиться. Я указал астрономическую зарплату, так что, думаю, будет много достойных кандидатов. — Он поднимает брови, и я издаю стон.

— Думаю, что чем выше зарплата, тем больше идиотов приходит, — говорю я, откидываясь на стул и скрещивая руки.

— Нее, на этот раз я убедился, чтобы все дамы, которые придут к тебе, смогут удовлетворить *все* твои потребности. — Это заставляет меня думать, что он нанимает мне проститутку. Качаю головой, мое раздражение растет. Мне еще не хватало того, чтобы люди подумали, что мы нанимаем проститутку. Таблоиды будут пестрить этой новостью.

— Финн, какого хрена ты сделал?

Он встает и держит руки перед собой.

— Полегче, здоровяк. Я знаю, у тебя не было секса *давным — давно*, и ты сходишь с ума. Я просто предлагаю простое решение — профессионал, который может делать свою работу, а затем... другую работу. Для которой потребуются наколенники. — Он ухмыляется.

— Ты..., - начинаю говорить ему, что он чертов тупица, но звонит телефон, это Хелен.

— Да, — отвечаю я, бросая молнии в Финна.

— Мистер Фостер, здесь мисс Кеннеди Майерс на собеседование.

Я сжимаю зубы, у меня нет времени на это дерьмо сегодня. У меня куча работы, а я даже не знаю, как пользоваться этой глупой программой.

— Впустите ее. — Говорю я ей вежливо, не она виновата, что у меня эскорт. Или как там это называется.

И, да, я уже не помню, когда был в последний раз с женщиной.

— Удачи. — Он подмигивает мне и выскальзывает за двери прежде, чем я бросаю в него пресс — папье.

Делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться. Если она действительно проститутка, то собеседование будет легким. Я просто спрошу ее, знает ли она как пользоваться некоторыми программами, вот и все.

На долю секунды позволяю себе погрузиться в мысли о том, как мой член находится в теплой влажной киске. Я чувствую движения у меня между ног, а затем отклоняю эту идею. Никто не приглянулся мне за последние годы, и эта идея просто ужасна. Вы не можете работать с тем, с кем трахаетесь. Правильно?

Кеннеди

— Вы так и будете стоять там или все же войдете? — рычит на меня мужчина с другого конца кабинета.

Я останавливаюсь в дверях кабинета, выставив себя дурочкой. Я не знаю, почему думала, что смогу сделать это. Я делаю шаг вперед, потом еще один, пока не оказываюсь перед большим стеклянным столом. Мужчина за столом не делает ни попытки встать. Я наклоняюсь через стол, чтобы пожать ему руку. Я абсолютно не уверена, должна делать так.

Я никогда не проходила собеседование раньше и не знаю правил этикета или что-нибудь вроде этого. Его рука встречается с моей, и тепло его пальцев окутывает мою руку. Я стараюсь ответить ему крепким рукопожатием, как меня учил мой дедушка, но я просто замерла, будто в трансе. А его темно синие глаза, наконец, встречаются с моими.

Я пытаюсь что-то сказать, но он начинает первым.

— Сколько тебе лет? — он сужает глаза и смотрит прямо на мои губы.

Я пытаюсь вырвать свою руку, но он не отпускает.

— Двадцать... двадцать два. — Ложь срывается с моих губ. Он продолжает смотреть на меня своими синими глазами, и я отвожу свой взгляд в сторону, надеясь, что он поверит мне.

— Ложь, — наконец, говорит он и сжимает мою руку еще сильнее.

— Ты достаточно взрослая, чтобы я тебя трахал?

Я задыхаюсь от его грубых слов, но знаю, о чем он спрашивает. Совершеннолетняя ли я? Я киваю, мои волосы падают вперед и закрывают немного мое лицо. Я оставляю их так, надеясь, что они прикроют мое шокированное лицо.

— Скажи это, Кеннеди.

— Да, я достаточно взрослая. — Его палец гладит мое запястье.

— Повтори все предложение.

Я смотрю на его лицо. Мне интересно, связан ли его гнев с тем, что я солгала... или это связано с чем-то еще.

— Я достаточно взрослая, чтобы вы меня трахали, — шепчу я, чувствуя, как горит мое лицо.

Он отпускает мое запястье, и я спотыкаюсь, но стул позади меня спасает от падения.

Мистер Фостер встает, выходя из-за стола, как животное, преследующее свою жертву. Он останавливается по другую сторону стола и прислоняется к стеклу, глядя на меня. Я сажусь ровнее и пытаюсь расправить мою юбку, которая собралась немного при моем падении.

Я не могу поверить, что я сказала это, и также не могу поверить, насколько красив этот человек. Его угольно-черные волосы выглядят так, будто он часто проводит по ним рукой. Они немного длиннее на макушке, как будто нуждаются в стрижке, а он слишком занят, чтобы подстричься.

Его рубашка не застегнута до конца, никаких следов галстука. Его слаксы отлично обтягивают его ноги, и я понимаю, что этот костюм сшит на заказ.

Я уже зашла так далеко. Уже поймана на лжи. Что мне еще терять?

Я не собираюсь извиваться под его взглядом. Я должна сделать это, показать, что здесь я чувствую себя в своей тарелке независимо от того, насколько это не соответствует действительности. Я сажусь немного прямее и вижу, как он смотрит на мои ноги.

— Ты уже солгала мне, мисс Майерс. Почему я не должен сказать тебе, чтобы ты катилась ко всем чертям из моего офиса прямо в эту секунду? — Спрашивает он, все еще глядя на меня сверху вниз.

Его тело напряжено. Я не могу понять его, поэтому мне интересно, какой же он на самом деле. Почему он все еще не выбросил меня из своего кабинета?

— Потому что я очень сильно хочу получить эту работу. Я сделаю все для этого, — признаю я. — Я знаю, что у меня нет достаточно опыта, но я быстро учусь, и я покажу вам, на что я способна. Дайте мне шанс. Это все, о чем прошу.

— Я уже сменил много помощников и не хочу делать это снова через несколько недель. Мне нужно знать, можешь ли ты справиться с моими требованиями к работе.

— Я смогу, я обещаю, — луч надежды загорается внутри меня. Эта работа сможет решить так много моих проблем.

Он делает шаг ко мне, пока не останавливается в полуметре от меня, наклонившись вперед. Его руки ложатся на подлокотники моего стула, и вдруг я чувствую себя загнанной в угол.

— Ты будешь выполнять все, что мне нужно, — говорит он мне и выпрямляется. Его гнев поражает меня. Его теплый аромат наполняет мои легкие. Я не знала, что запах может быть настолько сексуальным. Я смотрю на него сквозь ресницы.

— Мои расписания, заметки, встречи. Приходить по первому требованию. — Он делает паузу на мгновение, стоя в двух шагах от меня. Он вздыхает. — И другие потребности. Потребности такого мужчины, как я, с такой штучкой, как ты, пока мы будем работать в офисе весь день.

— Мистер Фостер, сэр, — говорю я, чувствуя его руку на моем бедре. Он раздвигает мои ноги, насколько позволяет юбка. Затем его пальцы скользят вверх. Я сижу, не зная, что делать, мое дыхание учащается.

— Но ты знала об этом, не так ли? Ты пришла сюда, готовая дать мне все, что хочу. Верно? — Он задает вопрос, но не похоже, что он хочет слышать ответ.

Его другая рука скользит по моему бедру, и он дергает меня так, что моя задница оказывается почти на краю. Это позволяет ему достичь моих трусиков. Я позволяю к себе прикасаться, но я не знаю, почему я это делаю. Почему вдруг я жажду его прикосновений там. Я должна сказать нет. Я должна оттолкнуть его, но мне нужна эта работа. По крайней мере, это то, в чем я пытаюсь убедить себя. Но, на самом деле, мне нужно, чтобы он прикоснулся ко мне. Чуть-чуть. Небольшое прикосновение.

Один его палец скользит в мои трусики, и я задыхаюсь.

— О, Боже.

— Произнеси *мое* имя, — поправляет он меня, его глаза встречаются с моими.

— Мистер Фостер. Сэр, — выдыхаю я, чувствуя, как моя грудь тянется к нему навстречу, я не в силах остановить реакцию моего тела на него.

Глубокий стон исходит от него, когда его палец скользит по моим складкам. Я начинаю стонать.

— Уже мокрая. Ты пришла сюда, чтобы дать мне это, и я собираюсь взять то, что ты мне предлагаешь, — говорит он, прежде чем жестко целует меня. Его язык упирается в мой губы, требуя входа. Я открываюсь для него, давая ему то, что он хочет. Его рука между моих ног поглаживает меня, и я чувствую, что я уже на грани.

Маленькие, простые касания доводят меня до оргазма. Я громко стону, но его рот заглушает звуки. Сладкие волны удовольствия нахлынули на меня, он замедляется, нежно целуя меня и покусывая мою нижнюю губу.

Когда он отодвигается, он стягивает с меня трусики. Я приподнимаюсь немного, и он тянет их вниз по моим ногам, снимая их. Я лениво открываю глаза. Я даже не заметила, что они были закрыты. Он смотрит на меня.

Мои трусики у него в одной руке, другая же рука у него во рту, он слизывает мои соки

со своих пальцев. Он пробует меня на вкус. Я еще раз краснею. Он засовывает трусики в карман своих брюк и возвращается на другую сторону его стола, чтобы сесть.

Я сажусь и пытаюсь прийти в себя, вдруг почувствовав холод в этой гигантской комнате. Молчание затягивается, и я не знаю, должна ли что-то сказать.

— Ты приступаешь завтра, — наконец, говорит он, нарушая тишину.

— Я хочу, чтобы ты была всегда рядом со мной, так будет проще. Я подготовлю тебе место жительства в моем доме или же выделю тебе одну из свободных квартир компании. Жду тебя завтра рано утром.

После этих слов он снова начинает печатать, явно закончив со мной на сегодня. Я стою, пытаюсь услышать от него прощание, но он даже не смотрит в мою сторону. Я поворачиваюсь и покидаю кабинет, задаваясь вопросом, во что я ввязалась.

Глава 4

Мейсон

Бросаю попытки уснуть и сбрасываю с себя одеяло, надоело смотреть в потолок. В этом нет никакого смысла. Почти четыре часа утра, а я так и не закрыл глаза.

Я снова хочу ее видеть. Почувствовать, как она кончает от моих прикосновений. Мысль о ее пульсирующей киске заставляет меня снова кончить. Мой член ведет себя так, будто я не дробил ни разу после того, как она вчера покинула мой кабинет. Первое, что я сделал, когда ее пышное тело покинуло мой кабинет, я взял мой член в руку вместе с ее трусиками и дробил до тех пор, пока не кончил на них. Я делал это всю ночь. Трусики Кеннеди уже липкие, и, вероятно, даже не пахнут больше ею. Я улыбаюсь, мне нравится идея покрыть Кеннеди своей спермой.

Когда она вошла вчера в кабинет, я не мог встать. Мой член был слишком твердым, и я не знал, смогли бы мои слабые колени удержать мой вес. Но как только она села, и я увидел, как узкая юбка обтягивают ее полные бедра, а ее пуговица между грудей кричала, чтобы выпустить их на свободу, я не мог ничего с собой поделать. Я должен был быть как можно ближе к ней, насколько это возможно.

Я не могу поверить, что она проститутка.

Она выглядит молодой и невинной, поэтому я не могу представить ее с мужчинами. Мысль о ней с другим мужчиной заставляет меня ревновать. Я был в одной комнате с ней один раз. Почему я уже решил, что она моя?

Как только я смог нормально мыслить, я поручил Хелен узнать о ней все. Я просмотрел

все ее дело и, как я и подозревал, они были ложью. Она была слишком молода, чтобы закончить колледж. Единственное, что являлось правдой, это ее адрес.

Я не мог контролировать себя. Я должен был узнать все, что мог. Как только я закончил дронить, я бросил работу и поехал по ее адресу. Я собирался проехать мимо всего один раз. Но потом я проезжал мимо снова и снова. И опять. Я убедил себя, что если бы я получил небольшое представление о ней, то был бы в порядке. Я хотел бы оставить ее в покое и вернуться домой. Я продолжал ездить назад и вперед в течение нескольких часов, и, в конце концов, я ее заметил. Она шла в одиночестве по улице, и от этого я в ярости вцепился в руль. Она выглядела слишком невинной, чтобы я оставил в ее покое. Любой желающий мог подойти и схватить ее. Я припарковал машину и стал ждать, пока она благополучно окажется внутри, прежде чем выдохнул, я и не понимал, что задержал дыхание. Шторы немного сдвинулись, и я смог разглядеть ее. Все, о чем я мог думать, это увидеть ее снова. Того что я увидел на улице было не достаточно. Мне необходимо больше.

Я вышел из автомобиля и бродил вокруг ее дома. Это был дерьмовый дом, и я сразу же почувствовал, что должен защищать ее. Я сказал ей, что она будет жить в квартире компании или в моем доме. Но после увиденного, я знал, что она будет делать для меня, единственное место для нее — в моей постели.

Я тру глаза, думая о том, как я поехал к ней домой, а потом сидел снаружи, пока не увидел, как гаснет свет в ее квартире. После этого я позвонил одному из моих охранников, чтобы проследить за ней и узнать все о месте ее пребывания. Потом я поехал домой. Мой член невыносимо болел, и я не мог дронить в моей машине. Слишком много людей вокруг, и мне нужно было побыть одному.

Никто не знает, сколько раз я дронил, когда вернулся домой, но после того, как я вытянул себя из кровати и сходил в душ, я начал все снова. Я никогда не бегал за женщиной. Никогда особо не задумывался о совместном будущем с кем-то. В моих планах были только работа и деньги. Но Кеннеди вошла в мой кабинет, и один взгляд на нее и я уже увлечен ею.

Мои глаза закрыты, и я представляю Кеннеди снова в кресле с закрытыми глазами и пылающими щеками. Ее мокрая киска открыта для меня, и я кончаю в свою руку.

— Черт, — рычу я и прижимаюсь другой рукой к кафельной стене, пытаюсь удержаться от падения. Мои ноги ослабли после всех оргазмов, но мой член до сих пор напоминает о себе.

После того, как я вытираю себя, я собираюсь на работу. Можно конструктивно использовать время, так как я не могу спать. Но в глубине души мой внутренний голос твердит, чем раньше я буду там, тем быстрее смогу ее увидеть.

Я первым приезжаю в офис. Только пять утра, а я сижу за своим столом с чашкой кофе и смотрю на восходящее солнце. Я стараюсь занять себя работой, но мои глаза смотрят на часы, надеясь, ускорить их.

В восемь часов я начинаю вышагивать по коридору. Хелен желает мне доброго утра, а затем переходит на мое расписание. Я оборвал ее на полуслове, потому что я не могу больше терпеть.

— Где Кеннеди? — рывкаю я немного жестче, чем был намерен.

Хелен смотрит в свои записи, немного ухмыляясь.

— Она будет здесь через тридцать минут. Я сказала ей, чтобы она подошла ко мне, когда придет, чтобы я все ей объяснила.

— Я сам сделаю это, — говорю я, пытаюсь изо всех сил контролировать свой нрав. Что случилось со мной сегодня?

Как она смогла так сильно засесть у меня в голове? Я не могу думать ни о чем другом, кроме того, как увидеть ее здесь, в моем офисе, как можно скорее.

— Да, сэр, — говорит Хелен, а затем выходит из моего кабинета, за ней я вижу Финна.

Обычно по утрам она выдает мне краткий список дел, но потом я сам распоряжаюсь остальной частью моего рабочего дня. К счастью, я освободил большую часть своего дня, придя на три часа раньше, так что у меня достаточно времени, чтобы узнать Кеннеди, узнать, что именно заставило ее пойти на такую работу. И тогда, возможно, я проверю некоторые из ее навыков, которые не были перечислены в ее резюме.

Я расхаживал туда-сюда, отсчитывал секунды, пока, наконец, я не услышал небольшой стук в мою дверь. Я поворачиваюсь и вижу Кеннеди, стоящую в дверях моего кабинета.

— Доброе утро, мистер Фостер.

Я сглотнул и посмотрел на нее. Она в той же узкой юбке, что и вчера, в блузке кремового цвета, размер которой слишком мал. Должно быть, она прибавила в весе после того, как купила одежду, потому что она с трудом входит в эту одежду. Смотря на ее талию, я думаю, что она выглядела бы еще лучше, набрав около двадцати фунтов. Я хотел бы видеть ее немного более полной в том, что правильно бы обтягивало ее тело.

Несмотря на то, что она вываливается из ее слишком маленького наряда, она выглядит маленькой. Я мог бы сказать, что она смотрится отлично. Ее тело создано быть с человеком моего размера.

— Ты ела? — спрашиваю я хриплым голосом.

— Нет, сэр. Я, км, на диете. — Она краснеет, и я шагаю к своему столу, чтобы захватить мой телефон.

— Закрой дверь, — говорю я, не глядя на нее. Если я обернусь, я буду не в состоянии

контролировать себя. Я слышу щелчок двери, а затем голос в трубке телефона.

— Закажи завтрак. Все, что есть в меню.

Когда я кладу трубку, я оборачиваюсь и вижу испуганную Кеннеди возле двери. Это не работает. Я перевожу дыхание и пытаюсь успокоить себя. Я хочу, чтобы я нравился ей. Нет, *мне* нужно, чтобы я нравился ей.

Ее темные волосы собраны в низкий хвост, и ее темные глаза смотрят куда угодно, только не на меня. Я сжимаю кулаки, пытаюсь удержать себя от того, чтобы подойти и объясниться с ней.

— Хорошо, давай обозначим некоторые правила. Ты будешь питаться три раза в день, как минимум. Я буду контролировать это. Ты будешь всегда есть передо мной.

Она кивает и нервно крутит пальцами.

— Далее, твоя работа включает в себя новый гардероб, так что сегодня после того, как я увижу, как ты съешь обед, я отвезу тебя за новыми вещами. — Ее щеки снова краснеют, но она соглашается.

— Да, мистер Фостер.

— Ты можешь называть меня Мейсон, когда дверь кабинета закрыта. Или сэр. —

Ее темные глаза встречаются с моими, и я чувствую поток тепла между нами. Она думает о вчерашнем, и я тоже. Я готов нагнуть ее и погрузить мой член в нее, но она должна сначала поесть.

— Твои вещи будут перевезены в мою квартиру сегодня. После того, как вчера я решил, что ты нужна мне в течение всей ночи.

Я смотрю, как ее ноги сдвигаются, а бедра сжимаются вместе. Я знаю, что она влажная. Я почти чувствую запах ее киски.

— Кеннеди? — Спрашиваю я, желая ее согласия.

— Да, Мейсон.

Мое имя звучит, как карамель на ее языке, и я хочу, чтобы она лизала мои яйца, также как и говорит. От этих мыслей член твердеет, до неприличия выпирающий из моих слаксов, и я не пытался скрыть ее. Ее глаза скользят по моему телу туда, где видно мое возбуждение, и на секунду ее глаза расширяются. Она быстро отводит взгляд в сторону, как будто пытается сделать вид, что не заметила ничего. Ее застенчивость раздражает и одновременно заводит меня. Это заставляет меня сходить с ума, потому что я думаю о ней с другими мужчинами. Она делала это раньше? Симулировала ли невинность и играла свою роль? Но даже это

заводит меня, потому она может играть в невинность столько, сколько хочет, а я знаю, что она моя. И я нанял ее, чтобы удовлетворять все мои потребности.

Прежде, чем я успеваю сказать хоть слово, раздается стук в дверь.

— Это завтрак. Открой дверь, Кеннеди.

Я сажусь, чтобы скрыть мой член. Нет смысла сотрудникам видеть, что я вот-вот кончу в свои штаны.

Молодой парень заводит столик, на котором стоят закрытые блюда. Он пододвигает его к столу и начинает передвигать посуду.

— Оставьте это, — говорю я, подняв руку. Он делает паузу и ставит тарелку обратно на поднос и кивает мне.

— Да, мистер Фостер.

Он бросает взгляд на Кеннеди, и на секунду я хочу выколоть его глаза. Но он дарит ей вежливую улыбку перед выходом из моего кабинета и закрывает за собой дверь.

— Кеннеди, — начинаю я, откинувшись на спинку стула.

— Я хочу, чтобы ты подняла эту юбку, а затем села. Разведи бедра и покажи мне свою киску, пока ты ешь.

Глава 5

Мейсон

Ее рот приоткрывается, но она быстро приходит в себя. Румянец окрашивает ее лицо, и она не может это скрыть. Боже, она чертовски невинна. Я не думаю, что это можно симулировать.

— Да, Мейсон.

Ее руки немного дрожат, пока она тянет ее узкую юбку вверх. Она покачивается, от чего ее грудь тоже покачивается. Мне приходит еще одна мысль в голову.

— Расстегни и блузку. Я хочу посмотреть на твои соски.

Я наблюдаю за каждым ее шагом, пока она шагает к стулу и садится.

— Раздвинь их, — рычу я, ненавидя предвкушение.

Она раскрывает ноги, и я вижу ее трусики. Меня это раздражает.

— Я сказал, что хочу видеть твою киску. Тебе не спрятаться от меня.

Кеннеди быстро встает и снимает кусочек белого хлопка. Я замечаю ее учащенное дыхание.

— Принеси их мне, — говорю я, вытягивая свою руку. Она медленно приближается ко мне, аккуратно помещая мягкий материал в моей руке. — Хорошая девочка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я протянул руку и погладить ее попку, когда она повернулась и направилась обратно в кресло. Она села в кресло точно так же, как и раньше, широко расставив ноги, выставляя мокрую киску на показ. Ей нравится это. Приказы ее возбуждают. Ее киска не может скрыть это. Даже если ей платят, чтобы быть здесь, она сама хочет этого. Ее пальцы тянутся к пуговицам рубашки, но она возится с ними.

Поднимаясь, я выдохнул и встал перед ней.

— Я должен все делать сам, Кеннеди? Ты должна справляться с такими легкими задачами с первой попытки. Не заставляй меня жалеть о том, что я нанял тебя, — лгу я. Я умру прежде, чем я когда-либо пожалею об этом.

— Да, Мейсон. Я буду лучше стараться. Петельки слишком тугие.

Я зажимаю материал обеими руками и разрываю его. Она задыхается от шока. — Это называется решением проблемы, солнышко. Теперь расстегни бюстгальтер.

Она наклоняется, ее маленькие ручки немного дрожат, но расстегивают крючок достаточно легко. Сажусь за стол рядом с ней, но по-прежнему сохраняю идеальный вид на ее тело. Она снимает бюстгальтер, и ее полная грудь вместе розовыми сосками открывается его взгляду.

— Так красиво, — рассуждаю я, опуская свой большой палец на один из ее напряженных сосков.

Она выдыхает и хныкает, когда я ущипнул ее сосок, а затем отпустил его. Потянувшись, я хватаю несколько закрытых блюд и убираю крышки прочь. Блины, бекон, колбаса, яйца. Ее глаза расширились, и она смотрит на меня.

— Мейсон, я не могу съесть все это. — Она выглядит немного шокированной.

— Ты будешь есть столько, сколько можешь, а затем съешь немного больше, — говорю

я, поднимая изделия из серебра и разрезая блины для нее. — Потому что это то, что я прошу тебя сделать. Я хочу, чтобы твой живот был красивым и полным.

Я намазал кусочек хлеба маслом и полил его сиропом, а затем дал ей попробовать.

Она колеблется в течение секунды и потом открывает рот. Я кормлю ее блинами, а затем начинаю следующее блюдо, наблюдая за ее ртом, когда она делает каждый укус. Я не знал, что наблюдать, как она ест, кормить ее, может возбудить меня так же, как и ее киска, открытая для меня. Она откусывает еще три раза, прежде чем говорит, что не может съесть больше.

— Кеннеди, — ругаю я, и она открывает рот снова.

После того, как я чувствую, что она достаточно съела, чтобы прибавить в весе, по крайней мере, один фунт, я отложил вилку и положил руки на ее бедра.

— Откинься на спинку кресла. Я хочу поиграть с тобой немного, а потом я хочу, чтобы ты отсосала мне. — Она облизывает губы, и на мгновение мне интересно, она хочет этого, так же, как и я? Но я знаю, что это невозможно. Она здесь только потому, что я плачу ей. Она играет определенную роль. Небольшая часть меня ненавидит это, но большая часть знает, что я воспользуюсь этим. И я сделаю это.

— Да, Мейсон, — говорит она, откинувшись и раздвигая ноги шире.

Я прижимаюсь пальцами к ее мокрой киске и легко вхожу в нее. Ее пухлые складки блестят от соков, и звук ее киски, которая всасывает мои пальцы, настолько эротичен. Другой рукой я зажимаю один сосок, а затем и второй. Наклонившись вперед, я опускаю мой рот на ее сосок, и я чувствую, как дрожь пронзает ее. Я сосу сильнее ее грудь и немного прикусываю. Я позволил ей чувствовать давление зубов, в то время как я трахаю ее киску пальцами все сильнее. Я мог бы трахнуть ее на этом столе и взять ее моим членом, но я хочу изучить это маленькое сокровище.

— Мейсон. — Она стонет, и я чувствую, как она сжимается вокруг меня.

Я сосу ее соски сильнее, и через несколько секунд она кончает на мою руку. Она может выглядеть невинно и сладко, но, блядь, кончает, как профессионал. Я опять напоминаю себе, что я плачу ей за это, и отхожу от нее. Я не должен злиться, что я нанял ее на работу. Для скольких мужчин она делала это?

В гневе я расстегиваю мои брюки и вытаскиваю член. Я беру его в кулак и провожу по нему несколько раз.

— Возьми в рот мой член, — говорю, жестче, чем хотел. Я злюсь и не знаю, как это остановить.

— Давай посмотрим, как хорошо ты сосешь.

Она отошла от оргазма быстрее, чем я думал, и уже опускается на колени, обеими руками схватив мой ствол.

— Ты получишь вознаграждение за то, что такая инициативная. Хорошая девочка, Кеннеди.

Ее рот на моем члене, и она вот-вот проглотит больше, чем я себе представлял. Моя голова наклоняется назад и я стону, когда теплое влажное тепло ее рта поглощает меня.

— Проклятье, милая. Будь осторожна, или ты вылижешь меня досуха, и ничего не останется для твоей киски.

Она скулит, и я сжимаю ее волосы, отталкивая от моего члена.

— Не волнуйся, я оставлю немного.

Она отстраняется, облизывает мой ствол и мои яйца. Она проводит языком и смотрит на меня одновременно.

— Блядь, — фыркаю я, собираясь кончить.

Увидев ее на коленях с ее огромной трясущейся грудью и ее мокрой киской, я кончаю. Толстые струи спермы стекают по моему стояку, и она облизывает их, шевеля губами. Она сосет, и я чувствую, как сперма из моего члена попадает ей в рот.

Я сжимаю ее волосы крепче и наконец-то чувствую какое-то облегчение после того, как всю ночь дрочил. Ее рот волшебный.

— Хорошая девочка, — выдыхаю я, когда она дарит кончику моего члена один маленький поцелуй, прежде чем улыбнуться мне.

Я наклоняюсь и целую ее. Поцелуй становится мягче и слаще, чем все до этого. Поцелуй влюбленных, а не тех, где один платит за это. На мгновение я почти забыл, зачем она пришла в мой офис, и притворяюсь, что она моя жена. Она пришла, чтобы позавтракать со мной, и наши утренние прикосновения превратились в это.

Образ Кеннеди в белом и с моей фамилией мелькает в моей голове.

Глава 6

Кеннеди

Я стою посреди спальни Мейсона в окружении стольких коробок и сумок, что я даже не знаю с чего начать. Это немного подавляет. Комната выглядит так, как будто здесь взорвался розничный магазин. Здесь полный беспорядок, эта спальня в два раза больше моей старой квартиры.

Мы обошли так много магазинов сегодня, что все они начали сливаться. Названия некоторые из них я не могу даже произнести, а некоторые заставили меня чувствовать себя совершенно не в своей тарелке. Я получала странные взгляды от продавщиц, пока они не видели Мейсона. Тогда их глаза загорались, будто они только что выиграли в лотерею. Вероятно, дело в проценте от продаж. В некоторых из магазинов не было даже ценников.

Все время, пока я примеряла один наряд за другим, Мейсон стоял и смотрел. Сначала я думала, что это было мило, его глаза не покидают меня. Тогда я начала задаваться вопросом, было ли это похоже на то, как он ведет себя со своими любовницами. Он сосредоточил свое сумасшедшее внимание на меня, и я была уверена, что каждой женщине, которая чувствовала такое раньше, это нравилось, как и мне. Он сказал, что он не был ни с кем. Может быть, я была не более, чем что-то веселое и новое, и он в скором времени расстанется со мной. Когда новинка надоест, что со мной будет?

Определенно, я останусь без жилья, но, возможно, я смогу продолжать платить по счетам. Я знаю, что должна попробовать. Может быть, я должна погуглить, как быть любовницей или что-то вроде этого. Или я не должна быть соблазнительной? Потому что я определенно не такая. Я понятия не имею, что делать, когда он прикасается мне. К счастью, он всегда говорит мне.

Самое ужасное, что я отвечаю на это. Мне это безумно нравится, хотя не должно — я его игрушка. Он нанял меня, чтобы быть его шлюхой, но почему-то мое тело это не волнует. На самом деле, это только делает меня сильнее. Мысль, что он платит мне и может делать все, что угодно со мной заставляет, мое тело пульсировать. Что-то не так со мной. Это не должно было возбуждать меня. Он заставил меня сосать его член, и я слишком охотно согласилась. Не потому что мне заплатили, а потому, что я хотела. Я хотела угодить ему, прикоснуться к нему. Я хотела, чтобы он прикасался ко мне. Я хотела, чтобы он оживил мое тело снова. Потому что такое происходит только, когда он прикасается ко мне. В эти несколько минут существовали только мы. Мы получали удовольствие, и весь остальной мир испарился. Все мои заботы и страхи уходят в сторону, и я растворяюсь в нем.

Пока реальность не возвращается снова. Как происходит сейчас. Я одна стою в спальне. Он вышел и оставил меня стоять здесь, где, он сказал мне, я останусь. Не в другой квартире или даже в другой комнате. Я буду каждую ночь в его постели. Он дал мне это ясно понять. На самом деле, он сказал, когда он возвращается домой, чтобы я была голой в его постели.

Он не сказал мне, что собирается делать. Все, что я знаю, ему позвонили, и он ушел. Звонок от женщины, если я правильно поняла. Я ненавижу свою реакцию на это. Ревность практически неуправляема. Это не мое дело. Прошлой ночью, когда я лежала в постели и думала, во что я ввязалась, я сказала себе, что я должна была уйти, когда узнала, что

включает в себя должность помощника Мейсона на самом деле. Что это включало больше, чем отвечать на телефонные звонки и выполнять указания. Я знаю, я не должна привязываться к нему. Эта работа поможет мне держаться подальше от улиц и дерьмовой квартиры, где я боюсь спать большинство ночей. У меня не будет страха за моего дедушку в доме престарелых, я буду в состоянии оплачивать счета.

Дело в том, что мой разум и сердце не слушают друг друга. Что-то в Мейсоне привлекает меня. Как он смотрит на меня. Кстати, он, кажется, не может насытиться мной. Но потом он меняется, как будто кто-то щелкнул выключателем. Он может так быстро меня уволить, и это тревожит. Почти так, как он злится на меня за то, что сам же сказал мне сделать.

Но что я знаю об отношениях? Примерно в то время, когда мальчики начали появляться на моем горизонте, мой дедушка заболел. Он заботился обо мне всю мою жизнь, и я собираюсь убедиться, что я позаботилась о нем. Если я не была в школе, я была с ним или пыталась убедиться, что наши жизни не разваливаются.

Я облажалась. Я не хотела устраивать его в дом престарелых, даже если это хорошее место. Мое сердце болит, когда я думаю об этом. Посмотрев на часы на тумбочке, я вижу, что всего лишь шесть часов, и знаю, что есть только одна вещь, которая заставит меня чувствовать себя лучше прямо сейчас.

Я хватаю сотовый телефон, который Мейсон дал мне, и мой старый потертый рюкзак и иду через безупречный дом. Весь дом украшен произведениями искусства на стенах, и мебель, похоже, никогда не используется. Это дом, но здесь не уютно. Это почти музей, где все организовано. Похоже на то, что делают риелторы, когда пытаются продать дом. Все на своем месте, но ничего не используется.

Выскальзываю за дверь и совершаю свой побег из чудесного здания. Я все еще не могу поверить, где я сейчас живу. Я иду по улице несколько кварталов до автобусной станции. Я достаю свою карточку для метро, пока жду автобус, а затем стараюсь оставаться незамеченной, даже несмотря на то, что на мне одежда для показа мод.

Кремового цвета платье до моей шеи с короткими рукавами. Сверху облегающее, а талия затянута широким поясом темно-синего цвета. Затем оно начинает расширяться до середины бедра. Я надела его, потому что ремень подходил к моим темно-синим балеткам, я знала, что мои ноги будут меня любить за это.

Когда я вышла на нужной остановке и дошла до дома престарелых, я махнула Ларри, охраннику, и остановилась, чтобы спросить, как его ребенок. Оказавшись внутри, я киваю медсестре у стойки регистраторов. Она нажимает кнопку, чтобы открыть дверь. Я вхожу, спрашивая ее, как обстоят дела, прежде чем отправиться прямо в комнату моего дедушки.

Я останавливаюсь, когда вижу, что он сидит в постели, смотря телевизор. Он в той же темно-зеленой фланелевой пижаме, которую он носит так долго, как я помню. У него их

около двух десятков пар. Его густые седые волосы зачесаны на сторону, и я следую за его взглядом и вижу, как он смотрит старый вестерн. Мы привыкли смотреть их вместе все время. На самом деле, это было наше любимое занятие, которым мы занимались после ужина. Мы ели мороженое, и я, в конечном итоге, разваливалась на диване. Я прислонилась к дверной раме и ждала, пока он заметит меня. Это проще, чем зайти. Просто даю ему возможность заметить меня. Когда он, наконец, поворачивает голову, живот стягивает в узел.

— Тыковка. Мне было интересно, когда ты придешь. — Глаза слезятся, но улыбка распространяется по моему лицу. Сегодняшняя ночь будет спокойной. Он улыбается мне, и я отталкиваюсь от двери и иду к нему. Я бросила свой рюкзак рядом с его кроватью и подошла ближе.

— Меня задержали. Сожалею, дедушка.

— Все в порядке. Ты выглядишь хорошо сегодня, — говорит он мне, поглаживая пустое место рядом с ним.

Я, не теряя времени, прыгаю на кровать. Он обхватывает меня руками, притягивает в объятия и целует в макушку. Все мое беспокойство проходит. Медсестра сказала мне, что он был в хорошем состоянии весь день, это заставляет меня чувствовать себя лучше.

— Я устроилась на новую работу, — признаюсь я.

— У ювелира? — Я слышу след надежды в его голосе.

Он знает, что изготовление ювелирных украшений, это то, что я всегда хотела делать. Эти годы я рисовала эскизы ювелирных украшений. Я не знаю, почему я так люблю украшения. Я всегда смотрю на то, что люди носят, и поражена тем, какие разные вкусы у людей. Украшения, которые носит человек, многое говорит о нем.

— Нет, я всего лишь помощник по административным вопросам, но я все еще работаю над своей мечтой в свободное время. Не знаю, хотела бы я работать в ювелирном магазине. Мне просто нравится создавать дизайны. — Я придвигаюсь к нему, положив голову ему на плечо и уставившись в телевизор.

— Ты делаешь все правильно, тыковка? Тебе ничего не нужно? — Я слышу беспокойство в его голосе.

Дедушка не знает, как все плохо. Вместе мы решили продать дом, потому что он знал, что ему становится хуже. Он знал, что у него были моменты, когда он не мог вспомнить, кто я, или даже где он. Иногда он становился обезумевшим и пытался покинуть наш дом, и у меня не было физических сил, чтобы остановить его.

Хотя он думает, что мы заработали неплохую сумму на продаже дома, и что большая

часть денег в банке. Он также думает, что это место стоит треть того, что оно действительно стоит.

Я не могу позволить ему жить в таком месте, которое мы можем себе позволить. Там нет многого, что есть здесь. В этом месте лучшие врачи, программы, питание и медсестры. Здесь есть все, что только пожелаешь. Здание небольшое. Место ощущается настоящим домом, а не домом для престарелых.

Я не хочу, чтобы он думал об этом. Беспокоился о том, что происходит. Я справлюсь с этим. Ему не нужен стресс. Кто знает, как это может отразиться на нем?

— Все прекрасно. Ты должен увидеть мой новый дом. Он такой необычный, как и это платье на мне. — Я вложила небольшое волнение в мои слова, надеясь, что это устроит его.

— Пока ты счастлива, тыковка, я счастлив. — Он откидывается на кровать, притягивая меня чуть ближе.

— Я не думаю, что ты видела этот фильм, — говорит он, и я киваю головой в знак согласия. Я не узнаю этот старый черно-белый фильм на экране.

— Тебе он понравится. Здесь также присутствует милая романтическая история.

Я краснею от его слов, но он прав. Мне всегда нравятся фильмы, где герой приходит, чтобы спасти кого-нибудь, и безнадежно влюбляется в героиню, даже если он грубый ковбой, который никогда не имел никаких отношений, пока не появилась она.

Я лежу с дедулей, смотрю фильм и чувствую, как мои глаза тяжелеют. Я знаю, что я должна встать, но я не могу заставить себя двигаться. В конце концов, я погружаюсь в глубокий сон, наслаждаясь моментом, зная, что такие моменты скоро будут редкостью.

Глава 7

Мейсон

Я стою в дверях комнаты, прислонившись к косяку. Кеннеди спит на кровати с дедушкой, и хотя я ненавижу мысль о том, что надо разбудить ее, но, наверное, будет лучше, если она проснется не здесь.

Я звонил врачу и узнал о состоянии ее деда. После того, как я нанял Кеннеди и покопался в ее прошлом, я узнал о доме престарелых, где проживает отец ее матери. Я заплачу за его уход и все необходимое.

Медсестры связали меня с одним из ведущих специалистов страны по болезни

Альцгеймера. Доктор посмотрела его карточку сегодня и связалась со мной. Я не хотел, чтобы Кеннеди узнала, что я сделал это за ее спиной, пока у меня не было хороших новостей для нее. Но доктор сказала мне, что перспективы не самые лучшие. Он угасает на глазах, и лучше, что Кеннеди может сделать для него, это оставить его в привычной обстановке, потому что стресс может быть губительным для пациента.

Когда я узнал это, волна вины захлестнула меня, и я понял, почему она согласилась на эту работу. Данный дом престарелых был недешевым, и я не могу представить, какая работа у нее была раньше, раз она могла оплачивать его. Я узнал о ней все и видел ее банковские счета, которые стремительно приближались к нулю. Она в отчаянном положении, и я уверен, что именно поэтому она согласилась на работу в эскорте, ревность съедает меня изнутри, мне интересно, сколько раз она делала это до меня. Не похоже, что бы крупные суммы денег поступали на ее счет, кроме денег от продажи дома. Может быть, она брала оплату наличными. Еще, интересно, как она вообще столько продержалась, учитывая стоимость дома престарелых.

Зарплаты, которую я ей плачу, хватит покрыть эти расходы. Я думаю, наверное, она вздохнула с облегчением, что ей не придется беспокоиться об этом, но именно этот факт заставляет меня чувствовать себя ублюдком. Я плачу ей, чтобы она заботилась о моих потребностях, чтобы она могла позволить себе ухаживать за больным дедушкой.

Меня мучила совесть, поэтому я пошел и заплатил за ближайшие пять лет ухода за ее дедушкой и дал инструкции, чтобы они обращались ко мне лично за любой другой финансовой помощью, которая может понадобиться. Я также сделал большой благотворительный взнос, чтобы они могли отремонтировать задний двор и сделать площадку для прогулок ее дедушки.

Забота о нем заставляет меня чувствовать себя не таким уж мудаком за то, что я хочу от нее. Сейчас все кажется более справедливым. Когда-нибудь я расскажу ей, но не сейчас. Не до тех пор, пока она окажется подо мной и не будет носить моего ребенка. Я хочу, чтобы она была привязана ко мне как можно сильнее, прежде чем узнает, что ей не придется больше работать на коленях.

Я также узнал больше, чем хотелось бы, о ее старом арендодателе. Он положил глаз на то, что принадлежит мне. Это еще одна вещь, о которой ей никогда не придется беспокоиться. Я убедился в этом.

Когда я вернулся домой вечером и увидел, что ее нет, я запаниковал. Я обыскал весь дом и звал ее по имени, но потом понял, куда она пошла. Я нашел ее в обнимку с дедом, они оба крепко спали.

Я отталкиваюсь от двери, тихо подхожу и глажу ее по щеке тыльной стороной руки. Когда она открывает глаза, она улыбается мне, затем она моргает несколько раз в замешательстве.

— Мейсон? — спрашивает она шепотом, как будто она не может поверить, что я здесь.

— Пойдем домой, милая. Пусть он немного отдохнет. — Я киваю сторону деда, и она кивает в ответ.

Прежде чем она берет мою руку, она наклоняется и целует его в щеку. После этого она позволяет мне увести ее. Она проходит пару шагов и прислоняется ко мне, явно от усталости.

Я тянусь вниз и беру ее на руки. На секунду я думаю, что она собирается протестовать, но она прижимается ко мне и закрывает глаза. Я целую ее в лоб и несую в машину, она нужна мне в моей постели.

Я держу ее на руках по дороге домой, целуя лицо. Я чувствую, что я не могу не касаться ее, и я не знаю, как остановить себя.

Когда мы приехали, водитель открывает мою дверь, и я несую Кеннеди наверх в нашу спальню. Нашу спальню. Блядь, мне нравится, как это звучит. Это заставляет все мои инстинкты двигаться вперед. Я должен владеть ей. Каждым сантиметром.

Но сегодня она такая покорная и сладкая в моих руках и выглядит такой молодой и нежной.

Я кладу ее на кровать, и она почти не двигается, когда я снимаю с нее платье и трусики. Я оставляю ее голой, и она лежит на моих простынях. Идеальное молодое тело.

Я хочу зарыться между ее ног и похоронить мой член внутри ее теплой киски. Я раздвигаю ее ноги в стороны и получаю лучший обзор того, что теперь мое. Что я купил и оплатил. Там немного коротких волос, и ее розовая киска кажется настолько тесной и маленькой. Но я знаю, что она работает в эскорте, значит, она была с большим количеством людей, поэтому я уверен, что она без проблем примет меня всего. Я стиснул зубы и натянул одеяло на нее, прикрывая ее тело. Я не могу вынести мысль, что другой мужчина трогал то, что принадлежит мне.

Я скидываю с себя одежду и скольжу в прохладные простыни рядом с ней, но не прикасаюсь к ней. Вместо этого я стягиваю с нее одеяло и начинаю поглаживать мой член. Я дам ей сегодня поспать, но я могу использовать ее тело для своего удовольствия. Я смотрю на ее голую грудь и сжимаю кулак вокруг члена. Провожу вверх и вниз по моему стояку в напряженный ритме, глядя на каждый сантиметр ее молодого тела.

Когда я приближаюсь к оргазму, я использую другую руку, как чашу, и кончаю в нее. Я кончаю на ладонь и создаю небольшой бассейн теплого семени. Приподнимаясь, я подношу полную ладонь спермы к ее киске и освобождаю семя. Растираю мою сперму на ее маленьком розовом клиторе, на ее пухлые губы, и толкаюсь внутрь нее. Я чувствую, как она обхватывает мои пальцы, когда я делаю это, и решаю продолжить. Небольшой оргазм для нее, пока она спит.

Я не прикасаюсь к ней где-нибудь еще, хотя мой рот болит от желания припасть к ее груди. Вместо этого я использую свою теплую сперму на скользком клиторе и вывожу круги.

Проходит всего несколько минут, и она выпускает тихий стон, когда сжимается вокруг моей руки. Идеальный маленький оргазм для моей девочки, пока она спит.

Моя ладонь липкая от ее оргазма и моего собственного, поэтому я облизываю его дочиста. Вкуса нашего удовольствия достаточно, чтобы я снова возбудился, но я сдерживаюсь и не начинаю снова дрочить. Я тянусь к ней, притягивая ее к своей груди так близко, как это возможно. Я позволил моему члену пристроиться между ее ног и чувствую ее влажное тепло возле него.

Я не думаю, что смогу сегодня заснуть с болью в моем члене, но я испускаю удовлетворенный вздох, что она рядом со мной. Я знаю, что она никуда не денется теперь. Она именно там, где собирается остаться так долго, как я захочу. Интересно, если она готова к тому, насколько это долго.

Глава 8

Кеннеди

Я поднимаюсь с кровати, не помня, где нахожусь. Затем я вижу разбросанные с прошлого дня сумки и коробки. Свет из ванной немного освещает комнату, и предыдущий день всплывает у меня в голове. Мейсон привел меня сюда и уложил меня в кровать. Мейсон сделал и также кое-что другое для меня и заставил меня впасть в глубокий, спокойный сон. Все мои заботы прошлой ночью исчезли. Впервые за долгое время я не чувствую тяжесть мира на моих плечах. Дедушка уснул, вспомнив меня...

Но слишком скоро реальность возвращается обратно. У меня комок в горле, когда я думаю о том, как Мейсон нашел меня. Я никогда не планировала рассказывать ему о дедушке. Я никогда не хотела говорить ему что-нибудь обо мне вообще, но после того, как я провела меньше чем двадцать четыре часа на своей работе, я предполагаю, что он все знает.

Он должен знать, если нашел меня прошлой ночью. Не то, чтобы я пряталась. Я не хотела засыпать. Я надеялась вернуться до возвращения Мейсона. Все это заставляет меня чувствовать себя отвратительно. Теперь он знает все, насколько страшно мое положение на самом деле и то, что у меня нет других вариантов. Он мог бы делать со мной, что пожелает, и я бы не ушла. Он будет злоупотреблять этой властью?

Я взглянула на другую сторону кровати. Я знаю, что он спал на ней этой ночью. С другой стороны, он спал со мной. Держа меня так, чтобы я не смогла попытаться ускользнуть от него. Посмотрев на часы, я вижу, что уже десять часов. Это заставляет меня слететь с кровати, спотыкаясь об одну из многих обувных коробок и почти лицом падая на ковер.

Я не могу поверить, что спала так долго. Я никогда не сплю допоздна. Большие, тяжелые портьеры закрывают окна и блокируют весь свет. Черт, мне интересно, я попала? Я должна быть на работе сейчас. Почему он не разбудил меня, когда встал? Я иду напрямик в ванную, но останавливаюсь, когда вижу записку на тумбочке.

Не принимай душ. Я вернусь за тобой позже.

Я держу в руках записку и читаю его снова и снова, мне все еще интересно, я в беде или нет. Записка, на самом деле, ничего не меняет, меня не было дома прошлой ночью, как он настаивал, и этим утром я опоздала, думаю, есть все шансы, что он в бешенстве. Я бросила записку обратно на тумбочку и принялась за обычные занятия, пропуская душ, как он сказал.

Возвращаясь к куче сумок, я начала искать еще одно платье, которое я могу надеть с балетками. Я не хочу, чтобы мои ноги устали от ходьбы до офиса Мейсона. Я надеваю мягкий розовый сарафан без рукавов и тонкий белый пояс вокруг талии, проскальзываю в белые балетки с маленькими бантиками, надеюсь, что это выглядит подобающе для офиса. Я завершаю образ тонким белым ободком с крошечным розовым бантом на нем. Наверное, я должна убрать беспорядок, но я решаю сделать это, когда вернусь с работы.

Я знаю, он сказал мне, что вернется за мной позже, но, возможно, если я появлюсь, он не будет так расстраиваться из-за моего опоздания. Я внезапно останавливаюсь, когда осознаю, что все содержимое моей квартиры занимает гостиную Мейсона. Они выглядят совершенно неуместными на фоне его вещей. Это показывает, насколько мы разные. Большинство мебели было из дома моего дедушки, некоторую он сделал сам. Я подхожу к одному из открытых ящиков и рассматриваю рисунок книги. Интересно, Мейсон рылся в моих вещах?

Меня передергивает от этой мысли. Боже, будто моя жизнь взорвалась. Мне чертовски повезет, если он не уволит меня. Я бросаюсь на кухню и хватаю две булочки, которые вижу на барной стойке, прежде чем выйти за дверь.

Я вижу человека в темном костюме, выйдя в коридор. Он отталкивается от стены и выпрямляется в полный рост, его глаза направлены на меня. Неловкое молчание наполняет воздух.

— Привет, — говорю я прежде, чем повернуться и нажать на кнопку лифта.

— Мэм, — слышу я, как он говорит за мной. Я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на того, кто меня задерживает. Он не смотрит на меня, он смотрит в телефон и что-то печатает. Интересно, какого черта он делает. Это выглядит так, как будто он ждал меня. Я ничего не сказала, не желая грубить. Может быть, он живет в этом доме.

Он невысокого роста, может быть, около 180 сантиметров, но он не кажется таким большим после того, как появился Мейсон. Мейсон выше, может, чуть-чуть за два метра. Но хоть этот человек и не отличается высоким ростом, но он очень мускулист. Он выглядит как

человек, который привык проламывать головы, не моргнув и глазом. На некогда густых черных волосах полосы седины. Если бы мне пришлось угадывать, я бы сказала, что ему около пятидесяти.

Двери лифта открываются, и он следует за мной, нажимая на кнопку для нас обоих. Когда я выхожу, он идет за мной из дома и вниз по улице. Я начинаю идти быстрее, не зная, что вообще происходит.

— Мисс Майерс. — Когда он произносит мое имя, я останавливаюсь и поворачиваюсь, он едва не врезается в меня.

— Я ваш охранник. Не надо меня бояться.

— Охранник?

— Похоже, Вам нравится искать неприятности. Я здесь, чтобы убедиться, что Вы не попадете в беду.

— Я не попадаю в неприятности, — огрызаюсь я. Он поднимает брови и улыбается.

— Я просто делаю свою работу, мэм.

Его легкая улыбка заставляет меня расслабиться. Иногда мне было немного страшно, когда я возвращалась в свою старую квартиру. Это был не самый хороший район. Черт, иногда я даже не чувствовала себя в безопасности в своей квартире.

Вот тогда до меня доходит, почему я спала допоздна. Я так хорошо не спала уже очень давно. Последний раз я так спала с моим дедушкой до начала его провалов в памяти.

Я чувствовала себя в безопасности впервые за долгое время, которое казалось вечностью, и это заставляет меня улыбаться мужчине в ответ.

Я протягиваю руку, вручая ему одну из двух булочек, которые схватила с кухни Мейсона. У него появляется улыбка.

— Я Кеннеди, но уверена, что вы уже знаете это.

— Брок, — говорит он, беря булочку. — Это ужасно мило с вашей стороны, мэм.

— Как долго вы стояли за дверью? — спрашиваю я, разворачиваясь и направляясь к зданию Мейсона.

— Мистер Фостер позвонил мне около пяти.

— Ну, вы, должно быть, голодны. — Я даю ему булочку, и он откусывает. Мы немного

разговариваем, пока идем в офис. Я узнаю, что Брок переехал сюда шесть месяцев назад, когда получил работу, и этот город для него почти не знаком. Я рекомендую несколько местных ресторанов и кафе.

— Как Вы думаете, он разозлится, что я опаздываю? — спрашиваю я.

— Он сказал, что у него назначено несколько встреч, — говорит Брок, когда мы выходим из лифта на нашем этаже. Черт, это, наверное, то, что я должна была знать. Я не сделала вчера свою работу. Тяжесть в моем желудке возвращается и напоминает о том, почему я здесь. Я провела ночь в постели не своего бойфренда.

Я проглотила маленький комок в горле, зная, что это плохо для меня. Я точно привязываюсь слишком быстро. Это напомнило мне время, когда Бен из второго класса попросил меня быть его девушкой и бросил меня через два дня. Я помню, как плакала в течение трех дней. На один день дольше, чем мы были вместе. Он мне даже не нравился. Он всегда слизывал клей с пальцев и смеялся. Однако он все равно стал королем бала на выпускном.

Прогоняю глупые мысли из моей головы. Я смотрю, как Мейсон выходит из своего кабинета, выглядя так же хорошо, как и всегда. Серый костюм сидит на нем так прекрасно, что я не была бы шокирована, если бы кто-то сказал мне, что он в нем родился. Затем я замечаю сногсшибательную блондинку рядом с ним. Она выглядит так, будто готова ходить по подиуму.

Узкая юбка-карандаш демонстрирует длинные ноги, и определенно у нее нет никаких проблем с покупкой вещей. Ее губы окрашены в красный цвет, напоминая мне, что я не нанесла ни капли макияжа утром.

— Я сказал тебе ждать дома, — говорит Мейсон, спеша по направлению ко мне. Блондинка следует за ним вплотную.

— Я не хотела опоздать.

— Это ваш новый помощник? Вы заменили меня ею? — визжит блондинка, убийственный взгляд появляется на ее лице, и глаза сужаются, глядя на меня. Она, должно быть, его последняя любовница... или помощник... черт, я даже не знаю, как назвать нас.

— Она выглядит, как школьница.

Я смотрю на свое розовое платье. Я думала, что оно хорошо смотрится на мне. Но на мне снова мой рюкзак. Я никак не могу расстаться с этой вещью. Мой дедушка подарил его мне.

— Уведи ее. — Мейсон кивает Броку. Блондинка явно уволена.

Брок делает, как он просит, и отступает немного, давая женщине пространство, чтобы пройти между нами. Она фыркает, прежде чем отправляется к лифту. Я наблюдаю, как Брок смотрит на Хелен, которая сидит за столом. Их взгляды встречаются, и она краснеет, когда Брок ей слегка подмигивает.

— Спасибо, Брок, — говорю я ему. Я должна поблагодарить его, да? Он проводил меня на работу. Я не знаю здешних правил.

— Спасибо за завтрак, — говорит он.

Я чувствую руку Мейсона, которая притягивает меня к себе.

— Вы двое завтракали вместе? За что ты его благодаришь? — Выпаливает он, наклоняясь к моему уху.

— Он, блядь, прикасался к тебе? — последнюю часть он прорычал, заставляя меня повернуться и взглянуть на него. Я слышу звонок лифта, когда мои глаза встречаются с его.

— Нет, он не прикасался ко мне, — говорю я.

Его глаза очень напряжены, и мое тело делает то же самое, что и всегда, при его виде. Я знаю, что будет дальше, когда он тащит меня в свой кабинет, хлопнув дверью, которая закрылась за нами. Скрывая нас.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 9

Мейсон

— Ты объяснишь мне, что это было? — Тепло поднимается вверх по моей шее, и я знаю, что не имею права ревновать. Но я ревную. Я не могу остановить ревность, пробегающую по моему телу. Это чувство слишком ново для меня, и я понятия не имею, как обращаться с ним или бороться.

Брок не из тех, кто может быть угрозой для меня. Он достаточно стар, чтобы быть ее отцом. Но она из тех женщин, которая выглядит так невинно и мило, что любой мужчина хочет ее, независимо от его возраста. Я напоминаю себе, что между ним и Хелен что-то происходит, и что Кеннеди моя. Но мои претензии к ней неразумны. Мне нужно исправить это. Быстро. Я знаю только один способ сделать это. Округлить ее живот моим ребенком и это покажет всем, что она моя, и мне нужно, чтобы это произошло сейчас же. Привязать ее ко мне всеми возможными способами, чтобы она никогда не смогла оставить меня.

Она перебирает пальцами и смотрит в пол.

— Он был добр ко мне по пути на работу, поэтому я дала ему один из двух кексов, которые я взяла на твоей кухне. Я надеюсь, что все в порядке. — Она немного надувает нижнюю губу, и я хочу пососать ее. Укусить.

Я делаю шаг к ней и жду, пока она посмотрит на меня. Если я прикоснусь к ней сейчас,

я не смогу контролировать себя. Через мгновение, ее глаза встречаются с моими, и я стараюсь смягчить лицо. Я не хочу пугать ее. Мне нужно, чтобы она влюбилась в меня. Я хочу, чтобы она была здесь, потому что она этого хочет, не только потому, что она получает за это деньги.

— Все в порядке, милая. Я просто хочу всегда заботиться о тебе. — Я убираю прядь волос, стараясь не касаться ее кожи. Я заметил ее ободок с бантиком. Чертовски невинно. Я не знаю, что заставило ее начать продавать это маленькое тело ублюдкам, вроде меня. Мы не должны даже иметь право смотреть на нее.

Она кивает и дарит мне небольшую улыбку.

— Одно маффина недостаточно. Я закажу какой-нибудь еды, и ты сможешь поесть.

Отхожу, достаю телефон и звоню. После этого Кеннеди садится в кресло перед моим столом, и мы проходимся по календарю. Я пытаюсь сделать все, что могу, чтобы перестать думать о том, чтобы взять ее на полу, заставляя кричать мое имя, чтобы все, к чертовой матери, узнали, что она моя, и я могу контролировать свою ревность. Я должен, потому что знаю, если я сделаю это, я получу только обозленных людей, которые услышат, как она кончит для меня.

Я объясняю систему, которую я изо всех сил пытаюсь использовать, и она сияет. Это то, с чем она знакома. Я облегченно и счастливо выдыхаю, когда она обходит вокруг моего стола и показывает мне, что я делаю неправильно.

— Когда ты использовала эту программу? — Хочу знать ее той, кем она есть.

— На самом деле, в одном ресторане, где раньше работала. — Она пожимает плечами, будто в том нет ничего особенного. — Клиенты всегда долго ждали бронирование, поэтому мы использовали эту программу, чтобы запланировать таблицы. Я часто подменяла администратора и разобралась с этой программой очень быстро.

Чувство гордости растет в моей груди.

— Ты очень умная. Программу нелегко использовать, я и десяток помощников не могли понять ее.

Она краснеет от моего комплимента. — Я хорошо училась в школе.

Я не спрашиваю ее о школе, потому что мы оба знаем, что она имеет в виду среднюю школу. Если ей хотя бы около двадцати, я продам свою компанию на eBay.

Я наклоняюсь ближе, желая поцелуя. Как только я это делаю, раздается стук в дверь.

— Это, наверное, твой завтрак, — говорю я, целуя ее в кончик носа.

Это не совсем то, чего я хотел, но этого достаточно сейчас. Я встаю и поправляю член, потому что быть так близко к ней всегда болезненно. Когда я прикасаюсь к ней, он, кажется, не может остановить желание похоронить себя в ее теплом и влажном местечке.

Сегодня пожилая женщина доставила еду из кафе, я рад, что персонал кафе получил записку, которую я отправил. Я не хочу других мужчин рядом с Кеннеди. Брока достаточно, и я знаю, что он не заинтересован в ней.

Как только женщина уходит, я накрываю стол для Кеннеди, а затем присаживаюсь и сам. На этот раз я указал на мои колени, и она подходит ко мне, осторожно садясь на мою ногу. Я хватаю ее за талию и притягиваю к себе плотнее, мне не нравится расстояние, которое она пытается сохранить.

— Ты ешь, а я буду играть с тобой, — говорю я, целуя ее шею и позволяя моей ладони гладить ее тело.

— Да, Мейсон, — выдыхает она, немного раздвигая ноги. Мой член пульсирует. Я знаю,

что она хочет моих прикосновений. Приветствует их.

Я жду, пока она возьмет кусочек еды, а потом глажу вверх ее бедра и живот. — Тебе нужно есть больше. Ты слишком худая. Я хочу, чтобы сегодня твоя тарелка была пуста.

Поднимая руку выше, я глажу ее грудь, чувствуя ее мягкость под платьем. Ее соски твердеют, и я чувствую тугие бутоны через материал. Я скольжу рукой под платье и беру одну грудь в руку. Я чувствую вес мягкой плоти и щипаю крошечный кончик.

Она стонет, и я улыбаюсь.

— Тебе нравится?

Она кивает, откусывая еще один кусочек, я двигаю рукой ко второй груди, давая ему такое же облегчение.

— Ты такая невинная в этом платье. Это заставляет меня думать, что ты девственница, чистая и нетронутая. — Ее щеки покраснели, и мне интересно, это из-за того, что она делала это так много раз до меня. Это, впрочем, неважно. Я не собираюсь позволить ей ускользнуть из моих рук. — Почему бы тебе не притвориться, милая? Ты можешь сыграть девственницу, а я — человека, который сорвет твою вишенку.

— Мейсон, — шепчет она и смотрит вниз на колени. Я снова сжимаю ее сосок, и она стонет, затем кивает головой.

— Я думаю, справлюсь.

— Хорошая девочка. — Я смотрю на тарелку, съела ли она все, что я положил ей, и улыбаюсь.

— Теперь, когда ты закончила свой завтрак, перейдем к десерту.

Я протянул руку и расстегнул свои брюки, освобождая член. Кеннеди облизывает губы, и ее глаза расширяются при виде него. Жемчужная капля появляется на кончике моего члена, но я ее удерживаю.

— Встань и сними трусики. Затем я хочу, чтобы ты оседлала мои колени и показала мне свою киску.

Она моргает и закусывает губу, но, наконец, поднимается и делает, как я прошу. Она раздвигает ноги и поднимает платье, обнажая влажную киску.

— Используй обе руки, чтобы придерживать платье. Я хочу видеть девственную киску и покрыть ее спермой.

Ее пальцы дергаются, когда она берется за подол и показывает мне самое нежное место. Я глажу свой стояк сначала медленно, а потом грубее. Ее блестящие губы заставляют меня хотеть до боли погружаться в нее. Я смотрю на ее киску и облизываю губы. Протянув левую руку, я провожу большим пальцем по ее мокрому клитору и облизываю его. Я стону от ее вкуса и снова повторяю движение. Один раз тру клитор, а затем обратно в кладу палец в рот. Снова и снова, то же самое. Она заползает ко мне на колени, и я вижу, как возбуждение вытекает из ее киски и стекает вниз по бедрам.

— Ты так возбуждена, что твоя киска течет, — усмехаюсь я.

Она краснеет и опускает подбородок, но я качаю головой.

— Это так чертовски горячо, я хочу видеть, как ты хочешь меня. Я хочу, чтобы внутренняя сторона твоего бедра постоянно была влажная для меня. Я хочу, чтобы мне было легко нагнуть тебя над ближайшей поверхностью и оттрахать. Я хочу, чтобы ты всегда была в платье и без трусиков, чтобы у меня был легкий доступ. Я хочу быть в состоянии удовлетворить свой член, как только он захочет.

Я зачерпнул каплю ее соков и поднес к моему рту. Я рычу от вкуса. Подношу большой

палец и вонзаю его в ее киску, трахаю ее им. Толстым пальцам трудно попасть внутрь, но ее влажность позволяет быстро скользить.

— Черт, Кеннеди, ты такая чертовски тугая. Моему члену придется несладко. Ты должна привыкнуть к нему, так что мы должны практиковаться чертовски часто.

Она сжимается вокруг моего пальца, и я знаю, что она полюбит мой член в ней. Я хочу ее голую, потому что мое семя должно оплодотворить ее. От мысли о том, что она забеременеет, мои яйца болят, желая заполнить ее всем их содержимым.

Поглаживая мой член, я чувствую, что мой оргазм приближается, и устраиваю свой член рядом с ее киской. Я толкаю палец в ее тугую киску и позволяю моему телу освободиться. Толстые струи спермы попадают на мой палец и ее вход, и я проталкиваю их, как только могу. Я чувствую, как крепко сжимается и пульсирует ее киска вокруг меня, она немного выгибается, и ее ноги напрягаются.

Она кончает со мной, и, видя, как ее лицо пылает от страсти, как она объезжает мою руку, заставляет меня кончать сильнее. Рычу при виде розовой киски с моей спермой. Это так чертовски красиво, но этого недостаточно. Она тоже нуждается в этом.

Когда я чувствую, что отголоски ее оргазма стихают, я вытаскиваю мой палец из нее и подношу к ее рту.

— Оближи, милая. Я хочу, чтобы ты знала, как чертовски хороша на вкус.

Она открывает рот и жадно всасывает его в рот. Ее язык быстро скользит по пальцу, и мой член дергается в необходимости.

— Ты слишком громкая, Кеннеди. Похоже, мне придется держать твой рот всегда занятым. — Я усмехаюсь, а она краснеет и продолжает сосать мой большой палец.

Свободной рукой я сжимаю ее задницу и притягиваю ее ближе ко мне так, чтобы мой член находился у ее входа.

— Ты на таблетках? — Спрашиваю я, все еще не отрывая палец от ее рта. Она выглядит разочарованной и качает головой.

— Умница.

Удивленный взгляд пересекает ее лицо, и я нажимаю на ее киску головкой члена. Я могу сказать, что она волнуется, я не взял бы ее без защиты, но это так далеко от того, что я хочу. Она рада, что я все еще собираюсь дать ей то, чего она хочет. Но я собираюсь дать ей гораздо больше, чем это.

— О, я собираюсь трахать тебя, пока ты не сможешь ходить, дорогая. Не волнуйся.

Она издает немного мяукающий звук и сильнее сосет мой палец.

Я вхожу в нее медленно и чувствую давление, которое никогда не чувствовал раньше. Вдруг она прикусывает мой палец, и мои глаза встречаются с ее, когда я вхожу в ее киску на всю длину. На секунду что-то мелькнуло в ее глазах, но потом это прошло.

Я с трудом могу дышать от того, какая она узкая, но я знаю, что что-то изменилось. Я выхожу из нее и снова устраиваюсь у ее входа. Смотрю вниз на мой член и вижу крошечный розовый след, и все осознаю.

— Ты девственница, — рычу я. Я убираю мой палец из ее рта, и она облизывает губы. — Ничего не говори. Дай мне секунду.

Я плотно закрываю глаза, пытаюсь осознать, что она полностью принадлежит мне. Пещерный человек внутри меня бьет себя в грудь, ликуя, и я закрываю глаза и перевожу дыхание.

— Мейсон, я могу объяснить. — Ее слова вырываю меня из моих мыслей, и я открываю

глаза и вижу ее обеспокоенный взгляд.

— Не говори ни слова.

Глава 10

Мейсон

Я притягиваю ее обратно ко мне и сразу же ввожу мой член в ее влагалище. Чувствую, как ее тепло снова окружает меня, я стону, но потом понимаю, что стоны Кеннеди громче. Я вхожу в нее несколько раз, увлажняя мой член и позволяя распространиться моей сперме внутри нее.

Но прежде чем я слишком увлекся, я выхожу из нее и немного отстраняюсь, оставляя несколько сантиметров пространства между нами.

— Черт, Кеннеди. У тебя никогда этого не было? — Я жду, и она кивает в ответ, затем двигает бедрами на моих коленях, желая моей толщины внутри.

— Я должен кончить в тебя. Ты понимаешь? Я должен отметить твою безупречную маленькую киску, так чтобы мое имя заклеямило ее.

— Мейсон, — она стонет и раздвигает ноги шире.

Я не могу поверить, что она невинна. Я должен был предвидеть это. Эти застенчивые улыбки, как легко она краснеет, она так красива в моих руках. Только моих. Я воспользовался моментом, чтобы осознать это. Гордость наполняет меня при мысли, что только я могу сделать ее такой.

Я опускаю ее вниз на мой ствол и крепко удерживаю за бедра, я опускаю ее на свой член несколько раз, увлажняя его. Я чувствую пульсацию ее киски своим членом.

Она стонет каждый раз, когда я выхожу из нее, и это восхитительно, поэтому я продолжаю делать это. Я улыбаюсь ей, а ее руки собирают в кулак мою рубашку.

— Мейсон, пожалуйста. — Она такая хорошенькая, когда умоляет.

— Я никогда даже не мечтал получить похотливую девственницу, — говорю я, дразня ее.

— Покажи мне свою грудь.

Она опускает переднюю часть платья, не стесняясь показать мне то, что теперь принадлежит мне.

— Хорошая девочка. — Я сажу ее вниз на мой член и сжимаю ее бедра. От мокрых хлюпающих звуков мне становится еще жарче. Я мог бы кончить только от этого, но мне нравится растягивать удовольствие.

Когда она начинает расслабляться, я снова вхожу в нее, и на этот раз она стискивает зубы и цепляется за меня. — Пожалуйста, Мейсон. Перестань выходить из меня.

— Ты хочешь кончить, не так ли, дорогая?

Она прикусывает губы и стонет, кивая.

— Убедись, чтобы твоя красивая киска высосала всю сперму из меня.

Мои глаза почти закатываются, когда ее горячая киска скользит вниз на мой член до самого основания. На этот раз она громко стонет. Блядь, я надеюсь, что каждый слышит ее на моем члене, но, в то же время, мне нравится знать, что ее удовольствие принадлежит только мне. Это сладко-горькая пытка, отчаянность, чтобы все знали, что она под запретом, но все равно хочется быть единственным мужчиной, который может слышать ее звуки.

Я сжимаю ее волосы в кулак, разворачивая ее так, чтобы я мог поцелуем заглушить ее звуки. Я агрессивен с ней, но она отвечает, тает от моего прикосновения и позволяет мне владеть ей. Она движется быстрее, и ее стоны становятся громче. Она так близко к оргазму, ей просто необходима небольшая помощь. Я беру в рот ее сосок, сосу один из мягких розовых бутонов и немного прикусываю.

Дополнительное давление — все, что ей нужно, и ее девственная киска кончает в первый раз. Я так горжусь ей, как она извивается на мне, сжимаясь вокруг моего горячего члена. Ее сжатий и криков достаточно, чтобы, наконец, разрешить моему члену освободиться. Я изливаю свое семя в ее тело, позволяя ему течь так глубоко, как только возможно. Ее пульсация замедляется, и я сжимаю ее волосы немного сильнее.

— Высоси все своей киской до последней капли, милая.

Она сжимает меня, и я чувствую, как сперма вытекает из моего члена. Когда не осталось ни одной капли я ласкаю ее спину, скользя вверх и вниз легкими движениями. Есть так много, о чем мы должны поговорить, но я не хочу нарушать этот момент. Я никогда не чувствовал ничего настолько сильного и прекрасного за всю мою жизнь.

Я мягко целую ее щеки и глаза, прежде чем она кладет голову на мое плечо. Я все еще твердый, как камень, в ее киске и у меня нет желания выходить из нее в ближайшее время. Если бы я мог оставаться в ней весь день, я бы это сделал.

Ее руки обвиваются вокруг моей талии, пока я глажу ее. Я начинаю бормотать что-то ласковое, прежде чем понимаю, что она задремала.

— Отдохни, дорогая. У нас есть много тем для разговора.

Глава 11

Кеннеди

— Я не могу пошевелиться, — стону я в попытках перевернуться на моей стороне кровати. Мои ноги запутываются в простынях, когда я вижу, как Мейсон выходит из ванной в спальню. Полотенце обернуто вокруг его талии, и улыбка расплылась на лице. Улыбка не сходила с его лица весь день. Так он выглядит моложе. С его крепкого тела стекают капли воды. Каждый раз, когда я вижу его, я вспоминаю, какой он большой. Он выглядит еще больше без своего костюма. Или, может быть, это потому, что теперь я могу видеть все жесткие линии и кубики его тела.

Его безразличие исчезло, оставив только Мейсона, который не может держать свои руки подальше от меня. Или, может, это я не могу держать руки подальше от него. Я прижималась к нему весь день и боялась, что его холодность может вернуться. У него такое переменчивое настроение. В какой-то момент прошлой ночью нам пришлось отлипнуть друг от друга.

Он взял меня снова после того, что случилось в офисе, и мы провели остаток дня в постели. Я хочу провести так больше, чем один день. Я хочу лежать здесь вечно и получать удовольствие, которое только он может дать моему телу. Все заботы в моей жизни исчезают, когда он обнимает меня, и я не хочу, чтобы они возвращались обратно. Я хочу быть с ним и никогда не оставлять.

— Я думал, что ты устала, так что я позволил тебе поспать, — говорит он, когда полотенце падает, и он натягивает пару трусов. Затем он движется к кровати ко мне. Ложась рядом со мной, он убирает волосы с моего лица. Он смотрит на меня с таким же голодным блеском в глазах, которое всегда возникает, когда мы касаемся друг друга. Мягкость в его взгляде тянет мое сердце ближе к его.

— Я могла бы лежать здесь вечно, — говорю я ему. Он наклоняется, чтобы запечатлеть поцелуй на моем голом плече, его небольшая щетина щекочет меня.

— У меня сегодня встреча, которую я не могу пропустить. Если ты хочешь, останься здесь. Или ты можешь пойти со мной. — Он проводит пальцами по моей руке, заставляя бегать мурашки на моей коже. Одно его касание и мое тело мгновенно воспламеняется.

— Хмм. — Стону я, когда он оставляет дорожку поцелуев вниз по моей руке до того места, где остановились его пальцы.

Мои глаза закрыты, и его движения отдаются восхитительной болью в моем теле. Мои

бедра были широко расставлены весь день для него, и я чувствую, как болят мышцы, напоминая мне о себе. Он либо брал меня неоднократно, либо зарывался ртом между моих бедер. Но в любом случае, они были широко расставлены.

Я слышала, как он что-то пробормотал о том, чтобы я поела, но я не смогла даже открыть глаза, но я ощутила, что он встал с постели. Я, должно быть, задремала, потому что когда я проснулась, то увидела тарелку с едой на тумбочке.

Скучаю по нему, я заставляю себя подняться из кровати, завернувшись в простыни. Я хочу почувствовать его тепло и иду в его поисках. Я действительно не хочу никуда идти сегодня вечером. Я знаю, что мне придется одеваться. Но это стоит того, чтобы быть рядом с ним. Это то, к чему мне нужно привыкнуть. Это его жизнь, в конце концов, и после сегодняшнего я хочу быть частью этого. Не только потому, что мне заплатили, чтобы сделать это, но потому что я хочу этого сама. Он заставляет меня чувствовать себя по-другому. Заставляет меня чувствовать такие вещи, которых я никогда не чувствовала раньше. Не только это, но и что-то глубоко внутри меня, когда он со мной. Я позволила ему взять все на себя и не думать ни о чем другом. Только о нем. Все, на чем мне пришлось сконцентрироваться, это на том, что он делает с моим телом, и на удовольствии, которое он мне дарил.

Я только его помощница, напоминаю себе. Но я чувствовала не только это после того, как он обращался со мной сегодня. После того, что он сказал мне, когда мы занимались любовью, говорил мне, что я принадлежу ему, что я его, что он всегда будет заботиться обо мне.

Он даже сказал мне в перерывах между сексом, что он позаботился о моем дедушке. Я лежала, пока он кормил меня закусками, и он сказал мне, что он обо всем позаботился. Мне никогда не придется снова беспокоиться о нем, буду я работать на него или нет. Я начала плакать, а он убирал своими губами мои слезы, и мы занимались любовью снова и снова. Нет, это определенно больше, чем босс и секретарь. Должно быть так. Я чувствую это.

Спускаюсь вниз по коридору, натягиваю сильнее простынь вокруг моего тела и останавливаюсь в конце коридора, выглядывая Мейсона. Когда я не вижу его, я иду в кабинет, который находится в другой стороне дома. Я открываю дверь и замираю, когда вижу его и Финна, его партнера по бизнесу, в смокингах и пьющих из стаканов. У меня не было никакого значимого взаимодействия с Финном, но я видела его в офисе один или два раза.

— Возвращайся обратно в спальню, — Мейсон встанет перед Финном, закрывая его от моего взора. От холода на лице Мейсона в моем горле образуется комок. Я поворачиваюсь, выхожу из кабинета, позволяя двери за мной закрыться.

— Может быть, ты меняешь помощников, потому что ты мудака, — я слышала, что Финн говорил, заставляя меня задуматься.

— Кстати говоря, мне нужен другой помощник, — говорит Мейсон.

Я знаю, что не должна подслушивать, что должен уйти и вернуться в комнату, но я стою как вкопанная. Я закрываю глаза, мое сердце разрывается от боли. Да, вернуться в свою комнату, как хорошая, послушная игрушка, потому что я такой и являюсь. Самое ужасное, что он хочет найти мне замену.

— Другой? Так ты хочешь иметь двоих? — Финн спрашивает то же самое, что и мне стало интересно.

— Она не может справиться со всем, что мне нужно. Я думаю, что свяжусь с Джесси.

— Джесси немного не в твоём вкусе, тебе не кажется? — говорит Финн, а потом смеется.

— Но опять-таки, Кеннеди, похожа на школьницу. Я не думал, что ты действительно трахнешь ее.

Я так больше не могу. От грубых слов Финна я бегу обратно к спальне, сбрасываю простынь и иду к шкафу. Тогда я замечаю, что все убрано. Все коробки и одежда, которые были повсюду, теперь аккуратно развешаны рядом с одеждой Мэйсона.

При виде наших вещей вместе, мое сердце разрывается от боли еще сильнее. Боже, какая я глупая. Слезы скатываются по моему лицу, я хватаю платье, стягиваю еще пару и хватаю свой рюкзак.

Я не знаю, что мне делать или даже, куда идти. Я просто знаю, что я должна выйти отсюда. Взять себя в руки. Я не могу смотреть на него сейчас, потому что если я это сделаю, я сломаюсь. Кого я обманываю? Я уже разбита. День, который был совершенным, сейчас рухнет. Я позволила себе поверить в то, что даже не реально.

Я не могу даже злиться на Мейсона. Я могу только злиться на себя. Я знала, на что иду с первого дня, как он нанял меня. Я была его шлюхой. Ничего больше. Просто потому, что он относился ко мне с нежностью, не меняет этого факта. Только я сама виновата, что влюбилась в него.

Я знаю, что не смогу остаться. Это уничтожит меня, видеть его с другой женщиной. Она тоже будет жить здесь? От этой мысли меня тошнит. Я не могу этого сделать. Я чувствую, что меня начинает трясти. От мысли о потере чего-то еще в моей жизни я почти падаю на колени. Тяжесть всего происходящего снова опускается на мои плечи. Все мои обязательства, и я всхлипываю.

Я потеряла все. Я чувствую, как слезы начинают литься по моему лицу, спускаюсь вниз по коридору, желая выбраться отсюда, прежде чем Мейсон увидит меня. Я останавливаюсь в гостиной, когда вижу, что мои вещи, разбросанные по комнате, лежат на местах. Это напоминает мне о том, что все мои вещи тоже здесь. Как будто это и мой дом тоже. Это не твой дом, напоминаю себе. Это твое место работы.

Я достаю телефон из рюкзака вместе с ключами, что Мейсон дал мне, бросаю на стол рядом с входной дверью. Когда я открываю дверь, я вижу человека, который опять стоит там, только на этот раз он в смокинге. Я застываю на месте, не зная, что делать. Я смотрю на лифт и обращаюсь к нему.

— Вы не сможете остановить меня, — говорю я ему.

Он вытаскивает из кармана носовой платок и протягивает его мне. Я забираю его, пробормотав спасибо, и направляюсь к лифту.

— Нет, Кеннеди, я не смогу. У меня строгий приказ не прикасаться к тебе, — говорит он мне, стоя рядом со мной, когда я жду лифт. Я смотрю, как он достает свой телефон. Я знаю, что он делает, и должна остановить его.

Недолго думая, я выбиваю телефон из его рук, и он падает на пол. Я поворачиваюсь, бегу к лестнице, но только бегу прямо в человека, от которого пыталась уйти.

Мейсон выглядит мертвенно бледным.

Глава 12

Мейсон

Я хватаю Кеннеди на руки и на мгновение думаю, что она собирается бороться со мной. Я вижу, что она борется со слезами. Некоторые уже оставили следы на ее нежной фарфоровой коже. Но, как всегда, она тает в моих объятиях, и я несу ее обратно внутрь, держа ее так крепко, как только можно.

Я не могу поверить в то, что Финн сказал мне. Я почувствовал, как мой мир ушел из-под моих ног. Я даже не хотел больше от него ничего слышать. Я вылетел из моего кабинета, и когда увидел, что входная дверь приоткрыта, паника пронзила меня. Я знал, что я был мудаком, так как накричал на нее, чтобы она покинула мой кабинет.

Я наблюдаю, как Финн вышел из нашего дома и покачал головой, все еще не понимая, что я поверил ему, когда он сказал, что помощник позаботится *обо всех моих потребностях*. Я пинком закрыл дверь за нами, оставив его и Брока стоять в коридоре. Я не переживаю за них. Единственное, что меня волнует — это моя женщина и попытки выяснить, что с ней. Это не может быть из-за того, что Финн сказал мне. Черт, она, наверное, уже думает, что я мудака, потому что растерзал ее в тот же день, думая, что я имел полное право на это.

Я это и сделал, поправляю себя. Я сжимаю челюсти. Она моя. Оплатил я или нет, я не могу ее отпустить. Блядь, как я мог все так все испортить? Я подхожу к дивану и сажаю ее ко мне на колени. Она оглядывается вокруг, пытаюсь сбежать от меня, но она не сильно

старается.

— Сладкая. — Я говорю мягко. Она смотрит на меня, и слезы текут из ее глаз. Я чувствую, как будто кто-то сжимает мое сердце в кулак.

— Не называй меня так. Я не твоя сладкая, — она набрасывается на меня. Мне приходится бороться с улыбкой. Я всегда знал, что в ней есть огонек. Она боец. Она может растаять в моих руках, но, что касается всего остального в ее жизни, она борется. Со мной, однако, я не хочу, чтобы ей пришлось сражаться. Я хочу дать ей все, что ей когда-нибудь понадобится. Она не должна воевать со мной.

— У тебя будет еще один помощник. Она тоже станет твоей сладкой? —

Она слышала, как я разговаривал с Финном. Интересно, что еще она слышала. Она слышала, что я не знал, что она не шлюха? Я думаю, что нет. Ее поведение сейчас говорит мне, что она думает, что для меня нанимать кого-то, чтобы оттрахать — это обычное явление.

— Ну, я не думаю, что Джесси понравится, если я назову его сладким, но я сделаю это, если это поможет тебе перестать плакать. — Я пытался подразнить ее немного, отчаянные слезы, стоящие до сих пор в ее глазах высыхают.

Ее рот раскрывается, и я краду возможность поцеловать ее. Я изливаю все, что испытываю к ней, в этом поцелуе, напоминая ей тот момент, когда мы были вместе. Вся эта ситуация, возможно, была испорчена мной с самого начала, думая, что она была кем-то, кем не являлась, но правда в том, что я знал, кем она стала с момента, когда вошла в мой кабинет. Моей. Я почувствовал это всей душой, и последние несколько дней только доказали это. Потому что я больше не веду себя, как обычно. Я веду себя, как обезумевший влюбленный, делаю все, что в моих силах, чтобы быть рядом с этой женщиной, убедившись, что она никогда не сможет оставить меня, и неважна цена, которую я должен заплатить, чтобы это произошло... как не появляться на благотворительном вечере, на котором я должен быть сегодня. Это может стоить мне большого дохода, но мне по хер. Я бы сжег свою компанию до основания прямо сейчас, если это заставит ее улыбнуться.

Ее пальцы зарылись в мои волосы, и она целует меня. Я прижимаю ее тело ближе к своему. Я знаю, к чему это ведет, но я должен прояснить ситуацию. Я не хочу больше всего этого дерьма между нами.

Я прерываю наш поцелуй и кладу лоб на ее, пытаюсь успокоиться. Контроль над собой — это то, в чем я испытываю недостаток рядом с ней. Я не знаю, как она делает это, но она делает это со мной. Даже когда она не рядом со мной, она управляет моей каждой мыслью. Я заиклен на ней, задаваясь вопросом, поела ли она, выпалась, думает ли уйти от меня.

Я позволяю рукам управлять ее телом, останавливаясь на шее, чувствуя ее пульс. Я не знал, что ощущения могут быть настолько эротичными, настолько успокоительными.

— Я никогда не делал этого прежде. — Она отступает немного, чтобы посмотреть на меня.

— Я думал, что ты была ..., — я не могу даже произнести это слово теперь. Я неоднократно думал об этом. Проститутка. Это слово сводит меня с ума.

Ее глаза ищут мои.

— Я не был с женщиной в долгое время, — признаю я. — Я никогда не спал с тем, с кем работал.

— Но...

— Я думал, что ты была кем-то, кем ты не являлась. Я собирался выставить тебя в тот же день в моем офисе. Я провел последние несколько лет, избегая женщин, желая только работать, но затем ты пришла в мой офис, и это было похоже на то, что годами похороненное желание всплыло на поверхность, требуя освобождения, требуя иметь тебя. Все остальное в моей жизни стало неважно, и ты заполнила все мои мысли.

Слезы, которые я пытался остановить, вырываются на свободу, поскольку она бросается ко мне, оборачивая руки вокруг меня и сжимая меня так крепко, как может, ее тело сотрясается. Я потираю ее спину в попытке успокоить.

— Милая. Пожалуйста, успокойся. Ты делаешь мне больно. Пожалуйста. Я люблю тебя, малыш. Ты убиваешь меня. — Она плачет все сильнее и смотрит на меня. Ее лицо в красных пятнах, я пытаюсь вытереть слезы с ее лица.

— Т-ты. — Она заикается. — Ты любишь меня?

— Больше всего на свете. — Боже, я надеюсь, что, блядь, не пугал ее, но это правда. Я люблю ее. Это должно быть ответом на все эти сумасшедшие вещи, которые я чувствую. Это единственное, что может быть, и я никогда не хочу, чтобы это чувство уходило. Это заставляет меня чувствовать себя живым.

— Я тебя люблю, — говорит она, улыбка расплывается по ее лицу. Я чувствую, как груз падает с моих плеч, потому что теперь я знаю, что эта борьба за нее не будет столь сложной, как я думал.

— Твои слезы говорят об обратном, — говорю я ей, вытирая очередную капельку, прежде чем наклониться и поцеловать ее щеки.

— Слезы счастья. Все так быстро произошло. Последние несколько дней были нереальными. Я думала, что потеряла все. Что я ничего не значу для тебя. Что это было нормально для тебя, и ты делал это со всеми своими помощниками. Что, может быть, я напридумывала то, чего нет.

— Нет никакого притворства, Кеннеди. То, что было между нами сегодня реально. Я могу обещать тебе, что я никогда не чувствовал себя подобно этому или делал это с кем-либо еще. Только ты, сладкая. Всегда только ты, — я достаю из кармана небольшую коробочку. Ее глаза расширяются, поскольку я открываю ее.

— О, мой Бог. Этого не может быть ...

— Это мой любимый из твоих рисунков. Я подумал, что оно идеально подойдет для тебя. — У кольца гигантский круглый бриллиант в центре, окруженный небольшими сверкающими бриллиантами. Платиновая полоса усыпана розовыми бриллиантами, в виде бантиков.

— Это мой любимый. Я не могу поверить, что ты взял это из моего альбома. Ты смотрел мои рисунки?

— Я смотрю на все, что связано с тобой, Кеннеди. — Ее лицо светится, когда я одеваю его на палец.

— Теперь скажи мне, что выйдешь за меня.

— Просто потому, что я работаю на тебя, не значит, что ты можешь мной командовать, когда мы дома. — Она поднимает подбородок, и, блядь, я знаю, я буду любить эти маленькие приступы неповиновения. Потому что я знаю, как заставить ее передумать. Я скольжу одной рукой между ее ног прямо к ее клитору. Она издает тихий стон.

— Скажи это, — рычу я, наклоняясь и кусая ее шею. Она стонет в ответ.

— Да, я выйду за тебя.

— Хорошая девочка, — говорю я ей, целуя ее.

— Я по-прежнему буду работать на тебя? — Ее вопрос звучит с придыханием, так как она пытается двигаться навстречу моей руке.

— Ты будешь работать в моем офисе, но ты будешь работать только над тем, чем ты захочешь. И я имею в виду не только меня. — Она хихикает, и этот звук согревает меня. Я не хочу, чтобы она работала на меня, если она не хочет. Я знаю, каково это иметь цель, и ее цель — это ювелирные украшения. Она может заниматься этим. Но она может делать это рядом с моим столом.

Я встаю с ней на руках и несу ее в кровати, уложив ее, я медленно снимаю с нее платье. Я пользуюсь моментом, чтобы посмотреть на ее тело и провести руками по ее коже, согревая ее. Я хочу запомнить каждую секунду этого момента. Черт возьми, я всегда хочу поминать каждую деталь. Это далеко не первый раз, когда я занимался с ней любовью, но

это первый раз, когда нет никаких тайн между нами. Ничто не сдерживает и не удержит нас друг от друга.

Двигаясь вниз, я снимаю мою одежду, придвигаюсь к ней, раздвигая ее ноги. — Позволь мне посмотреть на твою киску, прежде чем я попробую ее, — говорю я, снимая штаны вместе с трусами.

Она не колеблется. Раздвигает ноги шире и запускает руку между ними, чтобы раскрыть губы ее киски. Чувствую ее припухший клитор и облизываю губы. Мои слюны скоро потекут от предвкушения, и я зарываюсь между ее ног, простонав, когда накрываю ртом ее промежность.

Она убирает свои пальцы как раз вовремя, когда я начинаю лизать. Я не могу сдержаться, когда сладкий запах ее киски наполняет мои легкие, и вкус ее сладости наполняет рот. Я пью ее, надеясь впитать ее запах в себя. Я хочу, отметить себя так же сильно, как и хочу отметить ее. Я сжимаю свой член, чтобы не кончить, когда ее маленькая киска движется возле моего рта. Она сжала простыни. Я погружаю внутрь два пальца и даю ей то, чего она хочет, мой язык на ее киске, и небольшая часть меня заполняет ее киску.

— Мейсон! — кричит она, и ее пальцы отпускают простыни и зарываются в мои волосы. Она тянет мой рот от своей киски, и я не могу не улыбнуться.

Она берет то, что хочет, и это чертовски эротично. Я не могу отвести глаз от нее, позволяю ей взять инициативу в свои руки. Когда она смотрит вниз, и мы встречаемся глазами, я чувствую, как сжимается ее киска вокруг моих пальцев, и она снова кончает. Один взгляд, и на ее тело накатывает экстаз.

Я отпускаю мой член и удерживаю ее бедра, поскольку впитаю каждую каплю ее оргазма в себя. Ее напряженные мышцы расслабляются, и ее тело становится мягким, говоря мне, что она готова к моему члену. Я выскальзываю из ее узкой киски и вылизываю пальцы, двигаясь вверх по ее телу.

С ее вкусом в моем дыхании я двигаюсь между ее ног и скольжу моим членом внутрь, давая ей время, чтобы привыкнуть к новому ощущению. Сразу же ее тело обхватывает мой член, и она снова кончает. Она стонет мое имя, когда я двигаюсь в ее мокрой киске. Она всегда становится невероятно узкой после первого оргазма, так что я должен быстро кончить.

— Вот так, милая. Кончи и покажи мне, как сильно эта маленькая киска может это сделать.

Я двигаю губами возле ее шеи, слизывая крошечные бусинки пота на ее коже. Ее руки и ноги цепляются за меня, когда еще один оргазм сотрясает ее тело. Мне приходится стиснуть зубы, чтобы удержаться от того, чтобы не кончить в нее.

— Мейсон, — стонет она, закинув голову назад и глотая воздух.

— Я так люблю тебя, сладкая Кеннеди. Я хочу, чтобы ты кончила еще раз. Ты можешь сделать это для меня.

Я посасываю твердый сосок и щипаю другой. Я продолжаю входить в нее, пока она крепко сжимает меня. Еще один оргазм, и я отпущу ее.

— Кончи еще разок, тогда я дам тебе то, что ты хочешь. Ты хочешь, чтобы я кончил внутри тебя, не так ли?

Я смотрю в ее глаза. Они отчаянно нуждаются в освобождении, хотя она уже кончила несколько раз.

— Тогда дай мне то, чего хочу я. — Добавил я грубо и взял ее сосок в рот. На этот раз я чуть-чуть прикусываю, и этого достаточно, чтобы она вонзила свои ногти в мою спину и закрыла глаза.

Видеть ее потерянную в удовольствии — это так чертовски жарко, нет ничего на свете, что могло бы разлучить нас. Она так прекрасна, что мое сердце сжимается, и в этот момент связь между нами становится невероятной. Ее образ подо мной, потерянной от удовольствия, которое мое тело дарит ей, заставляет меня чувствовать себя Богом.

Я крепко держу ее, когда чувствую, как мое семя заполняет ее утробу. Все, что я могу сделать, это обнять ее и шептать снова и снова, что люблю ее, пока мое тело изнемогает от усталости. Я падаю на нее сверху.

Ее руки упираются в мою грудь, и я целую ее в макушку. Мы обнимаем друг друга, я чувствую ее улыбку на груди.

— Что такое? — спрашиваю я.

Она садится, это движение заставляет меня погружаться глубже в ее влагилице. Я стону от ощущения тепла и влажности вокруг моего члена, и несколько мгновений, она просто качается на мне.

— Я просто не могу поверить в это. Все это кажется какой-то сказкой, — говорит она.

— Поверь в это, Кеннеди. Это именно то, что я подарю тебе и то, чего ты заслуживаешь. Бегство от реальности в место, где есть только ты и я, а также наша любовь друг к другу. Нас ждет идеальное счастье.

— Навсегда, — она подтверждает это поцелуем.

— Навсегда, — я соглашаюсь с ней, переворачиваю ее, и мы снова занимаемся любовью.

Эпилог

Кеннеди

Год спустя...

Мейсон держит нашего сына, Ноя, когда мы идет в дом престарелых. Когда мы входим в комнату моего дедушки, я вижу, он сидит на кресле с одеялом на коленях и наблюдает за птицами из окна. Я делаю шаг вперед и жду, пока он увидит меня.

Его состояние ухудшилось в прошлом году, но мы провели несколько замечательных моментов вместе с ним, и эти воспоминания бесценны для нас.

Когда он слышит меня, он поворачивается, и я жду, надеясь, что сегодня он узнает меня. Я вижу, как его глаза сужаются, а затем широко открываются, когда он смотрит мимо меня.

— Ной! Иди сюда, малыш.

Мейсон проходит мимо меня, неся нашего сына к моему дедушке. Сажает нашего новорожденного ребенка к нему на колени и помогает ему придержать его. Наблюдая за ними троими вместе, мое сердце разрывается на части, и я так благодарна, что сегодня будет великолепный день.

Мейсон и я поженились примерно через минуту после того, как он сказал, что любит меня, а около тридцати секунд после этого, мы узнали, что у нас будет ребенок. Как и все самые лучшие вещи в жизни, он не был запланирован. Мы поженились здесь, в саду, в доме престарелых, и мой дед был в прекрасном расположении духа. Как только меня выписали из больницы, мы привезли нашего сына, чтобы дедушка с ним познакомился. Я не была уверена, что сегодня все пройдет хорошо, и что он даже вспомнит его, но когда его глаза загорелись, это было похоже на волшебство специально для нас.

Я занимаюсь дизайном ювелирных украшений и даже продала несколько некоторым знаменитостям. Это стало неплохой рекламой для моего дела, мне нравится, что я могу работать в своем собственном темпе, не чувствуя зависимости от спроса. Мейсон любит меня и поддерживает меня во всех начинаниях.

К счастью, он научился переключаться с работы на семью, и я думаю, что наш первый ребенок повлиял на него.

Наклонившись, я глажу мой растущий живот, думая о том, что скоро будет двое детей в возрасте до двух лет. Это будет сложно, но, к счастью, у меня есть муж, который всегда

помогает мне и готов гладить мои ноги в конце рабочего дня.

Когда я смотрю на Мейсона и моего деда, улыбающихся и смеющихся, я стираю слезы. Мой дедушка, вероятно, не сможет увидеть нашего второго ребенка, но я знаю, он всегда будет в моем сердце и будет присматривать за нашими детьми. Независимо от того, сколько у нас их будет.

Это то, что меня немного успокаивает. Я присоединяюсь к моим ребятам.

Эпилог

Мейсон

Пять лет спустя...

— Теперь другая нога, дорогая.

Кеннеди стонет, ее голова откидывается назад, и она опирается спиной на прохладный кафель душевой. Горячий пар окружает нас, я растираю ее ногу пальцами и двигаюсь языком вдоль ее лодыжки.

Ее рука между ее ног потирает ее влажный клитор, когда я делаю ей массаж ног. Теплые брызги от душа сбегают по ее большой груди. Я поднимаюсь языком выше, туда, где двигается ее рука, и раздвигаю ее полные ноги шире.

Она поправилась с тех пор, как мы впервые встретились пять лет назад, и я не мог бы быть более счастливым. Четверо наших малышей сделали ее грудь больше, и соски стали темней. И я становлюсь твердым при одном только виде грудного молока.

Я рычу, отталкивая ее руки в сторону, и заменяю их моим ртом. Она хихикает, а потом стонет, когда мой язык скользит по ее складкам. Она сжимает мои волосы, и я слизываю влагу, покрывающую ее.

Я любил ее бесчисленное количество раз в этом душе, но каждый раз, как первый. Мне нравится, когда мы занимаемся любовью в нашей постели или где-нибудь еще, когда

мы можем улизнуть от четверых детей.

Пар обволакивает нас, когда я довожу ее до оргазма. К тому времени я умираю от желания проникнуть внутрь нее, она тянет меня вниз на пол и садится на меня сверху.

Она садится на мой член в одно мгновение. Душевая огромна, и я благодарен за это, я

сжал ее бедра и наблюдаю, как подпрыгивает ее мокрая грудь. Я так близко к оргазму, но у Кеннеди есть другие идеи.

— Я хочу попробовать себя, — шепчет она и поднимается с моего члена, двигаясь вниз по моему телу. Прежде чем я открываю рот, мой член зажат между ее губами, и ее язык кружит вокруг моего ствола.

— Черт, — рычу я сквозь зубы, так как она выпускает мой член изо рта и снова садится на меня.

Я сажусь так, чтобы мы были как можно ближе, когда она начинает объезжать меня. Я целую ее губы и чувствую вкус ее киски. Это заставляет меня чертовски сходить с ума, и я не могу больше сдерживаться. Она точно знает, что делает.

Я кончаю в нее и скольжу пальцем между нами, чтобы она попробовала наш вкус. Я подношу палец ко рту, и она открывает его, облизывая.

— Вкус свежей спермы, милая. Я знаю, как ты любишь его.

Я оборачиваю руки вокруг ее талии и встаю, отодвинув ее от стены. Я вхожу в нее грубо, и ее хихиканье превращается в низкий стон.

— Ты просила об этом, — говорю я, в то время как мой внутренний зверь сходит с ума по ней.

Моя женщина знает, как свести меня с ума. Она нажимает на правильные кнопки, чтобы отправить меня за грань вменяемости. Но я бы не стал ничего менять.

Я занимаюсь с ней любовью в душе, и слава богу, у меня установлен очень большой водонагреватель. Потому что я планирую устроить ему настоящее испытание сегодня — и еще не один раз в нашей совместной жизни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net